

Вик Бове

**Вернуть
МОЛОДОСТЬ**

Вик Бове

Вернуть молодость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42647453

ISBN 9785449686336

Аннотация

Вернуть здоровье и молодость может каждый: мужчина и женщина, состоятельный и неимущий, в пятьдесят и восемьдесят. И непросто вернуть, а выбрать возраст и жить долго. Вечно не получится, но продлить земное существование лет до двухсот реально. Главное – желать и верить!

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	7
Анализ	8
Глава вторая	17
Глава третья	23
Глава четвёртая	27
Глава пятая	31
Глава шестая	40
Глава седьмая	43
Глава восьмая	52
Глава девятая	62
Глава десятая	70
Глава одиннадцатая	75
Глава двенадцатая	81
Глава тринадцатая	87
Глава четырнадцатая	93
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Вернуть молодость

Вик Бове

© Вик Бове, 2019

ISBN 978-5-4496-8633-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я стоял перед зеркалом и смотрел. Изменения, которые произошли во внешности, нравились. Дряблая кожа и морщины исчезли. Складки на лице и шее пропали, как и второй подбородок. Густая шевелюра приобрела первоначальный цвет – тёмно-русый. В зеркале отражался крепкий сорокалетний мужчина, а не старая развалина, каким был около года назад.

Да, год тому назад я умирал. В прямом смысле этого слова. Из трамвайного депо, где работал кондуктором, забрали врачи скорой помощи. Сначала отвезли в кардиологию, но там ничего не обнаружили. Потом перевезли в пульмонологическое отделение, где оставили на усмотрение дежурного доктора; у скорой помощи появился экстренный вызов.

Так как мест в палатах не было, поместили в коридоре: в мрачном, грязном, прокуренном. Две ночи лежал, накрывшись одеялом с головой и это хоть как-то спасало от смрада; к сигаретному дыму примешивались ароматы туалета. Высокая температура и не утихающая боль не давали заснуть, а ночные размышления не радовали. Я злился на себя, жизнь и людей. Отгонял, как надоедающую муху, тоскливый вывод: «Что посеял, то и собрал!». Но главное – не находил ответа на вопрос: «Как жить дальше?». Уныние не скупилось на мрачные картины: мучительная болезнь, нищенская

жизнь, самоубийство.

Теперь-то знаю, что вернуть здоровье и молодость может каждый: мужчина и женщина, состоятельный и неимущий, в пятьдесят и восемьдесят. И не просто вернуть, а выбрать возраст и жить долго. Вечно не получится, но продлить земное существование лет до двухсот реально. Главное – желать и верить!

Но тогда думал иначе.

Часть первая

Анализ

Глава первая

Врачи не могли поставить диагноз, а потому одни анализы следовали за другими. У меня брали кровь из вены и пальца. Заставляли сдавать слюну, мочу, кал. Посылали на кардиограмму и рентген, причём дважды. Алексей – сосед по койке, сказал о вредности гамма-излучения, но мне было всё равно. Усталость, накопившаяся за многие годы, погружала в сонливость, оупляла и убивала всякие желания. После двух недель капельниц, уколов и дыхательных процедур состояние не улучшилось. Днём температура держалась на уровне тридцати восьми градусов, а ночью поднималась ещё на немного. Меня мучил душераздирающий кашель, который мешал спать больным.

Лечащий врач на каждом утреннем обходе с оптимизмом изрекал:

– Вот теперь понятен характер заболевания и скоро вы пойдёте на поправку!

Но его растерянный вид мог ободрить только слепого, а дежурные слова – успокоить глухого.

Алексей, которого выписывали, протянул визитку и сказал:

– Когда захочешь измениться, позвони. Я ничего не отве-

тил. Этот странный человек постоянно проявлял обо мне заботу. Помогал ходить на процедуры, приносил горячий чай, выводил на свежий воздух. Впрочем, опекал он и других. Поступки Алексей совершал просто и естественно; его ничего не смущало. Сосед мог вынести утку и вынуть из вены иглу опустевшей капельницы. Он не задавал вопросов и не лез с разговорами. Когда Алексей покинул больницу, проходил очередную бессмысленную процедуру. Вместо облегчения возникли новые боли под лопатками и в боку.

Выписали меня после того, как отказался глотать зонд. Не глядя подписал какие-то бумаги, получил больничный и направился домой. Хоть жил недалеко от больницы, но добирался целый час. Встреча с женой была не просто холодной, а ледяной.

– Как ты? – спросила она немного испуганным голосом.

Тогда не придал значения бегающим глазам и подрагивающим рукам Светланы.

– Нормально.

– А выглядишь неважно.

– Ничего, оклемаюсь.

– Тебе на работу когда? – поинтересовалась жена.

– Не знаю. К участковому врачу нужно сходить.

– Чем собираешься заниматься?

– Спать лягу.

Было девять часов вечера. Для ночлега выбрал кухню, где стоял небольшой диванчик. Кашель, который возобновлялся

каждый час, затихал после горячего молока или чая. На переход от спальни до газовой плиты требовались силы, которых не осталось совсем.

Около полуночи заболело сердце. Боль пронзила насквозь, будто кто-то воткнул раскаленную спицу в грудь. Потом появился кашель, длившийся минут сорок. Чай помогал кратковременно и только пока сидел или стоял. Стоило прилечь, он возобновлялся.

После очередного приступа на кухню влетела жена.

– Какого чёрта ты выписался из больницы?! – раздражённо завопила она. – Дохаешь тут как старая кляча, только спать мешаешь!

– Извини.

– И долго так будет продолжаться?!

– Не знаю. Наверное, пока не умру.

– Тогда тебе пора сдохнуть! Пользы больше будет!

– Ты уверена?

– Уверена! А если рассчитываешь быть приживалой, то ошибаешься. Я позабочусь, чтобы тебя вышибли с жилплощади.

Горько усмехнувшись, сказал:

– Спасибо!

– Лучше подобра выметайся и ключи оставь, а иначе посажу! Хорошо понимал, что слова жены не пустая угроза. Она, с помощью любовника-мента, уpekла родного отца вместо пятнадцати суток на месяц, а потом переселила к даль-

ней родственнице. За себя не боялся, но подумал о ребёнке. Наши безобразные скандалы пугали мальчика. Он плохо спал, просыпался с криком среди ночи, а потом долго не мог заснуть. Я умирал и сил оберегать сына не осталось. Единственное, что мог – это уйти.

– Я подумаю над твоим предложением.

– Чем думать собираешься? У тебя одна извилина и та больная!

– Да, ты права. На тебе жениться мог только человек с больной извилиной, – тихо проговорил я.

– Нет, это я дебилка! Двадцать лет жизни на тебя угробила!

– Тебя никто на цепи не держал. Сама приходила и уходила.

– А теперь ты выметайся, а то пожалеешь!

– Думаешь напугала?

Я привстал с дивана. Светлана отступила на два шага.

– Падаль! Хоть бы сдох поскорее!

«Если я падаль, то ты стервятник», – подумал, выходя в прихожую.

Взял сумку, которую после больницы не успел разобрать и вышел на улицу.

Августовская ночная прохлада вызвала новый приступ кашля. С трудом добрёл до автобусной остановки. Сел на скамейку и усиленно задышал в рукав куртки. Помогло. Кашель прекратился, дыхание выровнялось, но спокойствия

в душе не было: не знал, как быть и куда идти.

После часа ночи жизнь на улицах миллионного города замерла. Редкие авто, рыча двигателями без глушителей, проносились на высокой скорости. Яркий свет фар ослеплял, но не прогонял тягостные мысли. Наблюдая за очередным лихачом, вылетевшим на обочину, подумал о превратности судьбы:

«Вот так радостно несёшься по жизни, а через мгновение – в канаве!».

Выбрасывая чёрные клубы дыма, машина вырулила на дорогу и скрылась за поворотом. Огромная луна медленно выползла из-за серой девятиэтажки. Она приковала внимание к бездонному звёздному небу. Глядя в бесконечность, почему-то подумал о Льве Толстом:

«Он тоже оказался на обочине. В восемьдесят два – ушёл из дома и умер на заброшенном полустанке. Может быть и мне так поступить?»

Осмотрелся по сторонам. Словно впервые увидел улицу Масленникова; широкая и прямая. Подумал, что поход до вокзала по пустой дороге займёт часа два. Посмотрел на смартфон, было около трёх ночи. Ждать маршрутку, которая прикатит в начале седьмого, посчитал неразумным. К тому же, не хотел встречаться со знакомыми. Собравшись с духом, встал. С трудом передвигая ноги, пополз к заветной цели. Расчёт оказался верным. В пять утра стоял на привокзальной площади.

Охрана зала пригородных электричек внимания на меня не обратила. Таких как я, похожих на бомжей, набралось предостаточно. Отвращение к кисло-вонючему запаху грязной одежды заставило подняться на второй этаж и сесть поближе к открытому окну. Переведя дыхание, обследовал карманы. Кроме визитной карточки и носового платка ничего не нашёл.

«Да, и уехать-то никуда не могу. Лев Толстой из меня не получился», – невесело решил я, в задумчивости пытаюсь смять визитку. Карточка была сделана из пластика, а потому не поддалась. После того как едва не поранил ладонь, включилось сознание. Взгляд заскользил по надписи.

– «Алексей Иванович Неверов, «Вселенная для всех», – прочитал я.

Короткий номер телефона значился как мобильный. После непродолжительного раздумья набрал шесть цифр и сразу услышал:

– На связи Алексей.

Голос принадлежал знакомому из больницы.

– Это Васильев, – едва выговорил я.

– Да, Александр Петрович, узнал тебя. Слушаю.

– Я на вокзале.

– Где именно?

– В зале пригородных электричек на втором этаже.

– Хорошо! Скоро буду.

Сколько продолжалось ожидание – не знаю. После бес-

сонной ночи часто впадал в дремотное состояние. Помню, что ко мне подходил сотрудник охраны: разбудил, проверил документы. Так как паспорт оказался в порядке, попросил не спать и приглядывать за вещами. Снова погрузился в забытье, из которой извлёк уже Алексей Неверов. Он потряхивал за плечо и лучезарно улыбался.

– Ну что, поедем? – поинтересовался Неверов без лишних вопросов.

– Да, – ответил я и медленно поднялся.

Алексей подхватил сумку и направился к выходу. Побрёл следом. Около двери первого этажа Алексей задержался. Подождал пока подойду, пропустил вперёд и вышел сам.

Два бомжа доставали из урны банки и бутылки. Увидев Неверова, кинулись в рассыпную. Испуг был велик! От страха они побросали пакеты, которые с грохотом покатались по ступенькам.

– Что с ними? – спросил я.

– Старые знакомые, – ответил мой провожатый. – Один из них наркозависимый, другой – хронический алкоголик.

– Я не то и не другое.

– Знаю, – спокойно заметил Алексей.

И тут же поинтересовался:

– Ну что, ехать не передумал?

– Нет. Мне некуда идти, – ответил я.

Неверов засмеялся.

– Ну зачем так трагично. Поверь, твоя жизнь только на-

чинается! – дружелюбно проговорил он.

Я ничего не сказал. Мой жизнерадостный проводник и не ждал ответа. Мы подошли к машине – белой, не очень новой «Ниве». Неверов открыл дверь, подождал пока усядусь и протянул термос. Горячее питье не походило ни на чай, ни на кофе. Оно обладало приятным медовым ароматом со вкусом мяты.

– Настой подмаренника и мяты, – пояснил Алексей, подал пакет с бутербродами и выехал с парковки.

Есть не хотел, но травяной чай выпил с большим удовольствием. Тепло разлилось по телу и впервые за сутки испытал покой. Плавное покачивание автомобиля тоже подействовало умиротворяюще, а потому не заметил, как заснул.

Проснулся от тряски. «Ниву» бросало из стороны в сторону словно лодку на волнах. Сколько длился сон, понять не мог. Посмотрел на Алексея.

– Подъезжаем, – сказал он.

Автомобиль тяжело взбирался на высокий холм, поросший лесом. Едва заметная колея в пожелтевшей траве указывала направление. Неверов ехал не спеша, но от выбоин «Ниву» встряхивало так, что обрывались внутренности. После крутого поворота, машина остановилась. Кирпичный забор больше походил на частокол и имел множество проходов. Новые массивные дубовые ворота, обитые железом, смотрелись нелепо, но смеха забавное зрелище не вызвало. Наоборот, появилось чувство тревоги.

Алексей Неверов словно заглянул в душу.

– Рождение связано со страхами. Не случайно младенцы кричат. Тоже можно поплакать, – сказал он.

В шестьдесят два года стоял перед входом, за которым ожидала неизвестность; у неё могло быть имя – Начало, но не исключалось – Конец. Из глаз обильно текли слёзы.

Глава вторая

Мне выделили место в полуразрушенном двухэтажном доме. На половине, где уцелела крыша, находились общая спальня, кухня и столовая. На другой половине – возводили стропила, ремонтировали лестницу, вставляли в проём рамы.

Когда мы приехали, строительными работами занималось человек двенадцать. Все вежливо поздоровались со мной и Алексеем. Потом здоровяк под два метра, видимо старший, кивнул в мою сторону и басовито спросил:

– Нам для подмоги?

– Нет, Михаил, брат нуждается в восстановлении, – ответил Неверов.

– Понятно, – спокойно произнёс старший и продолжил укладывать кирпичи.

В спальне, где стояло восемь кроватей, лежал человек. Его размеренное дыхание свидетельствовало о глубоком сне.

– Недавно поступил. Тоже на восстановительном режиме, – пояснил Алексей.

Холодное сырое помещение не понравилось сразу.

– Что это за место? – спросил я.

– Вначале прошлого века здесь размещался мужской монастырь. После коллективизации постройки отдали под МТС. Когда в здешних местах нашли уголь, открыли шах-

тоуправление. Но запасы иссякли, добыча прекратилась, и шахтёры съехали. Спустя двадцать лет развалины передали нам под усадьбу.

– Кому нам, если не секрет?

– У нас нет секретов. А нам – это общине «Вселенная для всех».

– А ты кто?

– Алексей Неверов, руководитель общины. Для всех её членов старший брат.

– Это секта?

Алексей негромко рассмеялся.

– Сколько людей, столько и мнений. Мы не навязываем своих суждений, – доброжелательно заметил он, протянул несколько листков и тоненькую брошюру.

– Будет время, прочти. Тут изложены правила, которым необходимо следовать.

Взял книжечку с бородатым человеком на обложке и спросил:

– Если мне не понравится, смогу уйти?

– В любой момент. Только хочу предупредить, что до ближайшей станции десять километров. Сам не дойдёшь, а в город машина пойдет только через неделю. Если захочешь уехать, отвезу.

– Чему необходимо следовать? – спросил, разглядывая листки.

– Вначале отдохни. Потом прочитай и прими решение,

но пока ты гость. Семь дней можно ничего не делать. Будет желание, работай со всеми. Или просто наслаждайся тишиной и покоем.

Условия семи дней показались мутными. Хотел сказать Алексею о возникших сомнениях и даже попытался встать, но Неверов удержал.

– Спи, набирайся энергии, – сказал он и ушёл.

Страх и беспокойство, которые возникли перед входом, не исчезли. Тревога оказалась сильнее усталости и полночи не мог уснуть. Забылся под утро.

Приснился сон, в котором готовлю манную кашу для сына Серёжи. Молоко вот-вот закипит. В кухню входит жена с хрустальной вазой. Бросает в меня. Сверкнув синей молнией, стекло ударяет в стену. Ваза падает на пол и остаётся целой. Молоко убегает, заливает плиту. Чад заполняет кухню.

Я проснулся, но подгорелый запах остался. С трудом приподнялся и сел. На тумбочке стояла тарелка, которая источала дымок костра. Около соседней кровати сидел парень в белой куртке и заботливо кормил старика с ложки. Он чем-то напоминал больничного медбрата. Посмотрев на меня, приветливо кивнул.

– Я Антон, – жизнерадостно проговорил парень.

Тоже кивнул, но промолчал.

– А тебя как зовут? – поинтересовался Антон.

– Александр Петрович.

– Вообще-то у нас без отчеств. Вот он, просто Коля, – парень указал на старика.

– Без отчеств, так без отчеств, – вяло произнёс я.

– Нет, но если ты хочешь...

Слово «хочешь» Антон произнёс с нажимом.

– ... мы будем звать тебя Александром Петровичем. А ещё можем использовать твою фамилию. Если ты так хочешь.

Этот многословный и не замолкающий медбрат нервировал, а потому грубо буркнул:

– Мне всё равно. Хоть горшком обзови, только отстать.

Антон раздражение не удивило.

– Извини, если что не так, – спокойно проговорил он. – Просто, когда сам попал сюда, мне было очень плохо. И если бы не участливый разговор братьев, не знаю, что со мной могло бы случиться.

– Каких братьев? – не понял я.

– К друг другу мы обращаемся по именам или говорим «брат». Невольно усмехнулся.

– И вот этот старик тоже твой брат? – спросил я.

Антон покивал.

– Да, – ответил он, – а старик он только пока. Коля имеет сильное желание выйти из этого брэнного тела, которое, возможно, скоро осуществится.

Говорить о смерти рядом с умирающим посчитал омерзительным, а потому перевёл разговор.

– Чем ты его кормишь? – поинтересовался я.

– Манной кашей. Специально приготовил для вас двоих. Старший брат сказал, что для восстановления энергии манная каша – это самая подходящая еда.

– Ты что, повар?

– Нет, просто среди братии никто не высказал желания работать на кухне. Вот я и стал.

– Это твоё «хочу»?

– Не то, чтобы «хочу». Скорее чувство благодарности и долга. Когда меня сюда везли, родные думали, что умру. А я вот живу.

– Так ты не сам приехал, а тебя привезли?

– Да, мать привезла! – со злостью произнёс Антон, отвернулся и продолжил кормить старика.

Взял тарелку с тумбочки. Её содержимое мало напоминало манную кашу. Многочисленные жёлто-коричневые комочки пахли горелым.

– Молоко убежало?

– А ты как догадался? – удивился Антон.

– Ты что, раньше кашу не варил?

– Нет, я же бывший наркоман.

– Ты и манку не размешивал?

– А что, надо размешивать?!

– Когда засыпаешь крупу в молоко следует помешивать. Тогда не будет комков.

– Интересно! – жизнерадостно произнёс Антон. – А я и не знал! Это ведь моя первая самостоятельно приготовлен-

ная каша в жизни!

– Ну тогда ты молодец, – похвалил я. – Мой первый опыт был гораздо хуже.

– Что правда?!

– Правда.

– А ты покажешь, как правильно? – спросил Антон, с надежной глядя на меня.

– Покажу.

Не желая обидеть Антона, принялся жевать сырую манку. Не знаю, насколько бы меня хватило, но в комнату вошёл Неверов. Появился повод оставить кашу недоеденной. Облегчённо вздохнул и с чистой совестью поставил тарелку на тумбочку.

– Как тут у вас, познакомились? – спросил он.

Антон кивнул.

– И не только познакомились! – воодушевлённо воскликнул он. – Брат Саша обещал научить готовить!

Алексей посмотрел на меня.

– Это твоё желание? – поинтересовался он.

– Да.

– Так тому и быть, – постановил Неверов и ушёл.

Глава третья

Следующие две недели провёл на кухне. Не думал, что умение готовить снова пригодится. Мой новый молодой друг Антон не хотел оставаться поваром, а потому перебрался на скотный двор. Его любовь к животным была очевидной. Антон с детской радостью ухаживал за коровами, телятами и козами.

Еда, которую приготовил, братии понравилась сразу. В первый же день ко мне заглянул бригадир Михаил и пробасил:

– Ты, брат Саша, как ресторанный шеф готовишь. Спасибо!

Следом на кухне появился Алексей. Поблагодарил за вкусный обед и вручил список тех, кому требовались дополнительные порции.

– Тогда нужны ещё две кастрюли и сковорода, – сказал я. Неверов пристально посмотрел и спросил:

– Уезжать не собираешься?

– Нет.

– Хорошо. Буду в городе, договорюсь, – пообещал старший брат и поинтересовался: – Ты где так хорошо научился готовить?

Пожав плечами, неопределенно ответил:

– Жизнь научила.

Алексей Неверов ушёл, а меня удивила мысль:

«Прожив шестьдесят два года впервые занимаюсь тем, что по-настоящему доставляет удовольствие. Почему так получилось?».

Вечером, когда чистил картошку, вспомнил детские годы.

В семь лет на меня легла ответственность за младшего брата, которому было два года. Мать работала на текстильном комбинате, уходила в шесть утра и возвращалась поздно вечером. Отец – слесарь вагоноремонтного завода, обязанность папаши понимал своеобразно. Предок приходил с работы и первое, что делал – проверял как вымыты полы. Ругал семилетнего мальчика, – иногда бил, – когда находил в углах пыль и грязь, а потом стряпал еду. После ужина, состоявшего из жареной колбасы и солёных огурцов, уходил играть в домино. Я мог питаться тем, что ел он, а младший брат – нет. Для него варил каши и молочные супы.

Мать будила рано утром, объясняла в какой последовательности засыпать крупу-сахар-соль, давала рубль и посылала за молоком. Сонный детский мозг плохо запоминал инструкции, а потому готовил, как бог на душу положит. Вермишель или рис, засыпанные в холодное молоко, разбухали и слипались в крутую массу, которую удобно резать ножом. Мы выходили на улицу с полными кульками сладких белых квадратов; их хватало до вечера.

В восемь лет готовил каши и супы с лёгкостью домашней хозяйки. К тому же, научился жарить каравайцы, блины

и оладья. Делал их с яблоками, вишней, творогом. Когда хотел, то добавлял порошок какао, и выпечка становилась шоколадной.

Первые котлеты приготовил в девять лет. Мать заболела и не пошла на работу. Температура была под сорок, и она пролежала в постели весь день. Вечером пришёл папаша и стал горланить. Фарш, который мать смогла с большим трудом накрутить, находился в холодильнике. Она попросила отца пожарить котлеты, но тот впал в бешенство. Поток бранных слов лился минут пять. Потом папаша запустил в мать кастрюлей и пригрозил:

– Если через полчаса не сварганишь, то сильно пожалеешь!

Он хлопнул дверью и ушёл в магазин. Мать подняться с постели не смогла. Она подозвала меня и объяснила, как жарить.

К приходу отца, который выставил на стол бутылку портвейна, котлеты лежали в тарелке. Насытившись, он пошёл играть в домино. Выходя из комнаты, добродушно прогавкал:

– Сука, можешь ведь, когда гоняют тебя!

То, что котлеты жарил я, осталось нашим секретом.

К десяти годам научился варить мясные супы. Причём, мой борщ отцу нравился больше, и он говорил матери:

– Твой борщ по выходным, почему-то говённый!

Даже когда папаша уходил к другой женщине, продолжал

думать, что обеды готовила мать.

– Самое лучшее, что было у тебя, это жратва, – гавкнул предок на прощание.

Когда остались втроём, все обязанности по кухне легли на меня, что, впрочем, не тяготило. Готовил с большим удовольствием и постоянно искал новые рецепты. Так как их печатали в журналах «Работница» и «Крестьянка», то вскоре обзавёлся солидной кипой, которую часто пересматривал. В восьмом классе появилось желание поступить в училище и получить специальность повара-кондитера. О чём и сказал матери. Та улыбнулась и вроде бы поддержала устремление. Вечером она всё рассказала нашей соседке. Теперь при каждой встрече, та смеялась и называла поварёнком. Однажды услышал, как соседка с возмущением говорила:

– Ну что это за мужики растут! Бабские журналы листают и о бабских профессиях мечтают!

С тех пор к плите не подходил. И сколько бы мать не спрашивала «почему?», ничего не отвечал. Но готовить категорически отказывался!

Глава четвёртая

Алексея Неверова в общине любили. Мягкая улыбка не сходила с лица старшего брата; его благодать притягивала. К нему шли с сокровенными разговорами и обращались по бытовым вопросам. Брат Алексей внимательно относился к нуждам насельников, заботился об удобстве и здоровье.

Неверов руководил общиной больше пяти лет, но был не самым большим начальником. В городе работала главная организация, которая занималась сбором средств, благотворительной деятельностью и руководила районными общинами. От Антона узнал, что «Вселенная для всех» насчитывает около пяти тысяч человек.

Я не верил молодому другу, да и не интересовался делами общины. Меня волновало собственное будущее; не понимал, что будет дальше, не знал к чему стремиться.

Антон – добрая душа, советовал изучать труды Селивёрстова и встать на путь оздоровления. На еженедельных встречах, которые назывались посиделками Мирослава, знакомили с различными способами. Там же рассказывали о жизни духовного Учителя.

Идейный вдохновитель «Вселенной для всех» родился в позапрошлом веке. Половину жизни провёл – по собственному признанию, в разврате, который убивал. Пережив смертельную опасность, Мирослав понял причины возник-

новения болезней. Он говорил, что когда обрывается связь с духовными истоками, то внутри возникает пустота. Пустое пространство заполняют пороки и человек попадает под власть недугов. Природа-Мать хранит духовность. Если принять её руководство, то наступит вечная жизнь.

Селивёрстов разработал методику, которая оздоравливала и дарила бессмертие. Сам он прожил сто двадцать лет. Своим последователям Мирослав Селивёрстов оставил наставления и назвал их «Правилами одиннадцати больших «Д». Ещё один его главный труд – «Нужные слова к Природе и Богу», был примером молитвы единения со всем миром. А всего Мирослав Селивёрстов исписал семьдесят ученических тетрадей.

Мой ум не воспринимал поучения человека, окончившего два класса церковно-приходской школы. Идеи, которые прививают маленьким детям, вызывали отторжение и недоумение. Некоторые высказывания Мирослава были, на мой взгляд, списаны с рекламных плакатов:

- «Холодной водой умывайся, понимай, как хорошо душе»;
- «Чистые зубы – залог здоровья»;
- «Алкоголь и табак зло, не употребляй их»;
- «Люби окружающую тебя природу»;
- «Здоровайся со всеми везде и всюду, особенно с людьми пожилого возраста»;
- «Помогай людям чем можешь»;
- «Победи в себе жадность»;

«Ходи по земле босыми ногами».

Однажды Алексей спросил:

– Брат Саша, как ты относишься к личности Мирослава?

– Боюсь, что тебе не понравятся мои мысли, – ответил я.

– Ну а всё-таки?

– На мой взгляд, для поклонения следовало бы выбрать фигуру поколоритней. К примеру, Сергия Радонежского. С младенчества тот являл пример святости и целомудрия. А Мирослав – пьяница и бабник, что за святой!? Лишь угроза смерти заставила его в сорок лет устремиться к Богу.

– Многие люди ведут себя подобным образом. Пример Мирослава подтверждает, что никому незаказанно получить дары благодатей Божьих.

– Спорить не стану. В состоянии невесомости плохо разбираюсь в психологии и путях неисповедимых.

– В состоянии невесомости? – не понял шутки брат Алексей.

– Да. Отстраняясь от постулатов великого Селивёрстова на значительное расстояние, становлюсь пылинкой, не имеющей притяжение, – ответил я.

Старший брат улыбнулся.

– А что пылинка думает о молитве единения и правилах больших «Д»? – спросил он.

– Восхищён талантом тех, кто на основе детского лепета создал и поддерживает деятельность целой организации, – ответил я.

Неверов снова улыбнулся:

– Посмотрим, что скажет пылинка через месяц, – спокойно произнёс он.

– Разве меня не выгонят?

– Нет.

На первых своих посиделках, где с проповедью выступал Антон, узнал, что соблюдать заветы Мирослава необязательно. Селивёрстов запретил последователям создавать новую религию.

– «Не делайте из моего учения культа, оно не моё, оно от Бога», – этими словами начинались и заканчивались выступления братьев, пожелавших прибавить что-то своё к наставлениям Антона.

Кто-то говорил о благотворном обливании холодной водой. Кому-то нравились длительные прогулки босиком по росе. Кого-то вдохновляли недельные отказы от еды. Всеми братьями, вступившими на тот или иной путь оздоровления, руководило лишь добровольное желание.

– «Я хочу», – говорили они.

Единодушие братьев напомнило партсобрания, на которых одобрительно поддерживалась пустопорожняя болтовня. Когда Антон попросил меня что-нибудь сказать, сердито ответил:

– Я не хочу!

На мой выпад внимания не обратили.

Глава пятая

Прошёл месяц. Моё отношение к Мирославу и его учению не изменилось.

– В состоянии невесомости воспринимаю лишь детский лепет, – всякий раз отвечал брату Алексею, когда речь заходила о наставлениях.

– Детский, – соглашался Неверов. – Но ты не осознаёшь гениальности простого. Вера приходит через повседневную ребячью игру и ведёт к умению. Сначала распределение ролей – мама, папа, дочка, сынок. Потом выполнение обязанностей – мама готовит, папа зарабатывает деньги, дети учат уроки. Постоянная практика в игре, создаёт творцов реальности. Всё приходит через веру в то, чему следуешь. Вот о чём говорит Мирослав!

– Но мне не требуется вера в Мирослава!

– Не требуется, пока нет нужды.

– У меня нет нужды?!

– Да, брат Саша, ты не испытываешь истинной потребности в чём-либо. Когда она появится, то тебе понадобится вера.

Слова брата Алексея казались бессмысленными. Как это я не испытывал нужды?! Жизнь словно замерла на месте. Позади пустота и развалины, впереди полная неопределённость. Работу на кухне выполнял как запрограммированный

робот. Подъём в пять, завтрак в семь, заготовка для первых и вторых блюд, обед в час, мытьё посуды, ужин в семь вечера, уборка столовой и кухни. Чем такое существование могло закончиться?! Ответа я не знал.

Община росла. Почти каждую неделю Неверов вносил изменения в список. Когда братьев стало больше восьмидесяти, Алексей прислал помощника. Им оказался тот старик, которого видел в первый день. Правда, выглядел он не таким немощным и больным.

Брат Коля был неразговорчивым, что устраивало. Он чистил картошку, ходил за молоком, творогом и маслом на хоздвор. Также в его обязанности входило мытьё посуды и уборка помещений.

С приходом старика появилось свободное время, которым не знал, как распорядиться. Часто уходил с кухни, бродил по территории или выходил за ворота; устав не запрещал. Правила позволяли многое: почти всё. Нельзя было играть в азартные игры, распивать алкоголь, курить, употреблять наркотики.

На территории общины стояло шесть полуразрушенных домов. Два из них восстановили недавно. Новенькие крыши, сверкающие серебром, выделялись на фоне облезлых кирпичных стен. В них жили такие же братья, как и мы. Как пояснил Антон, бригады сами решают, каким быть жилью. Дом, в котором ночевал я, тоже приобрёл пристойный вид. Внутренние стены оштукатурили, привели в порядок ком-

муникации, заработал туалет и душевая.

Каждый брат, если не болел, выбирал занятие по душе. Мог работать в теплице, на скотном дворе, стройке или просто убирать территорию. Как потом узнал, некоторые из братьев уезжали в город и трудились там.

Болезнь братьев определял самый настоящий доктор, приехавший в общину одним из первых. Его звали Кирилл. Он заходил к больному, осматривал, ставил диагноз. Желающих отлынивать от общих дел было мало. Такие, как правило, встречались среди новичков, но они быстро отсеивались – уезжали или уходили.

Впервые осматривая меня, брат Кирилл сказал:

– Ты здоров. Твоё недомогание связано с душевными переживаниями и психологическими перегрузками.

Усмехнувшись, сказал:

– Врачи на мне крест поставили.

– Лишь Бог не ошибается, а врачи – люди.

– У меня непроходящие боли.

– Фантомные проявления другой реальности.

– Это как? – не понял я.

– Со временем разберёшься. А пока постарайся руководствоваться правилом Мирослава: «Что случилось со мной, то хочу».

– Не очень ясная мысль. Объясни.

– Думай своей головой.

– Табиб, у меня температура под сорок.

– Табиб?! – удивлённо переспросил доктор.

– Восточный лекарь, – пояснил я.

– Интересно, откуда такие познания.

– Неважно. Так как насчёт температуры?

– Защитная реакция организма, который борется с чужеродной субстанцией. Подобные симптомы не должны беспокоить, – заявил врач и ушёл.

Из рассказов Антона узнал, что брат Кирилл до общины жил в монастыре и был монахом. В своей комнате держал иконы и молился, что не мешало быть последователем Селивёрстова. Антон утверждал, что табиб знал нечто особенное, чем мог бы зарабатывать в городе миллионы. Доктор за месяц поставил парня на ноги, избавив от тяжелейшей наркотической зависимости.

Брат Коля тоже с большим почтением относился к врачу, и каждый вечер проводил в медпункте по сорок минут. Возвращался вдохновлённым и сияющим. Как-то после одного из таких визитов, Коля захотел научиться готовить.

– А ты разве не умеешь?

– Нет, – кратко ответил он.

Старший брат Алексей ничего не имел против, и я стал обучать старика. Большую часть рабочего времени теперь приводили, что называется, плечом к плечу. Невольно в глаза бросались перемены, происходившие с братом Колей.

Вначале внимание привлекли руки. Набухших вен после каждого визита к доктору становилось меньше. Однажды

они пропали совсем. Не стало морщин, исчезли складки кожи, ногти заблестели словно их покрыли бесцветным лаком. Руки старика не вязались с лицом, как будто принадлежали другому человеку.

День ото дня брат Коля становился сильнее. Если в первые дни он с трудом передвигал пятилитровые кастрюли, то теперь спокойно заносил со двора по два ведра воды. Дыхание при этом оставалось ровным, словно старик и не поднимался на второй этаж. Как-то попросил принести полведра картошки. Брат Коля приволок сетку, в которой было килограммов двадцать.

Не выдержав, поинтересовался:

– Ты всегда был таким сильным?

– Нет.

– Месяц назад умирал, а теперь скачешь молодым жеребцом. С чего бы?

– Так нужно.

После небольшого раздумья, сказал:

– Нужность я понять могу. Но как у тебя получается?

– Использую с вибрацией «Правила больших «Д».

– С какой вибрацией?

– Если тебе нужно, спроси у доктора, – буркнул Коля, давая понять, что не хочет разговаривать.

Никогда не любил назойливых людей и сам не навязывался, но вибрации больших «Д» пробудили любопытство.

– Доктор меня тоже осматривал, но ни о каких вибраци-

ях не говорил, – тихо произнёс я, словно разговаривал сам с собой.

Честно говоря, хотелось узнать о них от старика. Но брат Коля сделал вид, что не слышит.

Через два дня снова столкнулся с загадкой вибраций больших «Д». Случилось это при обстоятельствах, вначале испугавших меня. Брат Коля передвигал большую кастрюлю с горячей водой и неосторожно поставил её на край плиты. Она наклонилась, и приличная порция кипятка пролилась на ноги старику. Тот вскрикнул от боли. Я усадил брата Колю на табуретку и засучил штанины. Ошпаренные ноги были красными, а кое-где появились волдыри.

Выбежал из кухни и устремился в медпункт.

– Ты куда?! – услышал вопрос старика, прокричавшего вслед.

– Сейчас приду!

– Доктора не надо! – донеслось до меня. Но я уже был во двор.

Как ненормальный влетел в медпункт, где брат Кирилл разговаривал с кем-то из вновь прибывших. Врач общины не любил, когда к нему входили без разрешения. Он строго посмотрел и спросил:

– Что-нибудь случилось?

– Да, Коля ноги ошпарил! – задыхаясь, выпалил я.

Доктор на мгновение задумался, а потом спокойно проговорил:

– Сейчас закончу разговор и приду.

– Коля ошпарил ноги и у него волдыри! – громко и отчётливо произнёс я, подумав, что доктор не расслышал.

Но тот тихо рассмеялся и сказал:

– Я хорошо понял. Не следует так кричать.

Мой растерянный вид доктора забавлял. Брат Кирилл снова хохотнул, взял за руку и выставил за дверь. Закрывая, шепнул:

– Не волнуйся! Думаю, что Коля уже здоров.

Когда вернулся на кухню, то увидел, как старик спокойно разгуливает в чёрных сатиновых трусах.

– Штаны сильно мокрые. Пришлось снять и отжать, – сказал он.

На верёвке в дальнем конце висели брюки, но не это смущало. Я внимательно разглядывал ноги Николая. Волдырей на них не оказалось, как и красноты. Не было на них выпуклых вен, синюшных бляшек и звёздочек. Его ноги выглядели молодыми и здоровыми.

– Ты так смотришь, слово голую бабу увидел, – усмехнувшись, проговорил Коля.

– Ничего не понимаю! Ты же ноги ошпарил!

– Так уж и ошпарил. Ну пролилось чуток воды. Что за беда?!

– Но я видел волдыри и красную кожу!

– Должно быть тебе привиделось.

– Брат Коля, ты хочешь сказать, что я сумасшедший?!

– Я не доктор, диагнозы не ставлю.

Внутри вскипело возмущение. Этот старик с ногами и руками молодого мужчины явно издевался. Потянулся к ковшу. Захотелось набрать воды и плеснуть Коле в лицо.

– Эмоциями следует владеть, – услышал за спиной.

Оглянувшись, увидел доктора, который улыбался.

– Но Коля изгаляется надо мной! – вырвалось у меня. – Я видел его красные ноги в волдырях! А теперь получается, что у меня глюки?!

– Глюков у тебя нет. Брат Коля не изгаляется. Ему нельзя говорить про изменения, а иначе они перестанут происходить, – успокаивающе произнёс доктор.

– Какие изменения?! Почему перестанут?!

– Ты не слишком любопытный? – поинтересовался доктор.

Голос врача общины прозвучал негромко, но как будто внутри головы. Вопрос подействовал словно загораживающая стена, которую сознание ощутило отчётливо. Даже показалось, что вижу старинную кладку из красных кирпичей. Понимание, что через стену не перебраться, заставило успокоиться и вернуться к плите. На автомате помешал рассольник, выключил закипающий компот, растопил кусок сливочного масла и полил вермишель.

– Обед готов, – проговорил я и голос показался незнакомым.

– Очень кстати, – сказал брат Кирилл, выходя из кухни.

Коля в трусах и с голыми ногами носил чистые тарелки к раздаче, туда же перенёс кастрюли с первым и вторым.

– Ну что, открывать? – спросил старик, указав на дверь общего зала, за которой толпилась братия.

Невольно посмотрел на ноги старика, кивнул и буркнул:

– Халат надень.

Глава шестая

Кое-что о вибрациях больших «Д» узнал поздно вечером.

Закончив с заготовками, мы вернулись в комнату. Бригада уже спала, за исключением Антона. В бледном свете ночника, который висел в коридоре, увидел парня. Он сидел возле спинки кровати и медленно раскачивался из стороны в сторону. Глаза его были закрыты, губы едва слышно творили молитву. Из всех слов, сливающихся в монотонный поток, разобрал только два – «Мой Бог!». Антон с силой выдыхал, а потом медленно втягивал воздух.

Коля, понимая лучше меня, что происходит, осторожно прошёл мимо парня. Стараясь не скрипеть пружинами, лёг.

Попасть к кровати мог только переступив через Антона. Но так как парень продолжал раскачиваться, мы обязательно бы столкнулись. Решив подождать окончания, сел на табуретку.

Шумные вдохи и выдохи с тихими восклицаниями «Мой Бог!» продолжались минут пятнадцать. Хотелось спать и терпение близилось к концу, но тут Антон открыл глаза. Увидев меня, тихо произнёс:

– Извини.

– Ничего страшного.

– Ты давно ждешь?

– Не очень, – ответил я и поднялся.

Мой молодой друг стоял в проходе и продолжал шумно дышать. Попытался его обойти, но брат Антон попросил:

– Подожди!

Пришлось остановиться.

– Я «Правила больших «Д» выполняю, – тихо произнёс парень на выдохе. – У меня начальная стадия.

Стало интересно и спать расхотелось.

– А ты не знаешь о вибрациях?

– Знаю, но мало. Чтобы войти в резонанс с высшими сущностями, необходимо двигаться в диапазоне определенной частоты. В вибрации можно попасть, но после освоения начальной стадии. Понимаешь?

– Да, – ответил я хотя ни слова не понял.

– Второй этап начинается с душевного покоя. Душевный покой – это пятое «Д». Помнишь?

– Допустим. А что дальше?

– Потом дыхание. Дыхание – это третье «Д». С помощью дыхания обретаешь душевный покой и выходишь на нужный диапазон движения. Это начальный путь к обретению силы огромных возможностей.

– Ну а дальше что? – переспросил я.

– Дальше пока не знаю. Мне необходимо освоить технику трех больших «Д», тогда откроются вибрации.

– А кто знает о вибрациях?

– Коля знает.

– Ему за что такая честь?

– Он готов и переживает сильную необходимость, – тихо проговорил Антон и лёг на кровать.

Постояв ещё какое-то время, спросил:

– О вибрациях всем известно?

– Известно всем, но не всем нужно, – ответил брат Антон. – Ты даже не изучаешь «Правила одиннадцати «Д», а хочешь постигнуть вибрации.

К удивлению, Антон – этот разговорчивый парень, не упустивший возможность поболтать, повернулся на другой бок и сделал вид, что хочет спать.

Глава седьмая

Ночью приснился сон. Светлана за рулём моего автомобиля. Едет очень странно: машину бросает со стороны в сторону, иногда крутит словно скользит по гололёду. Приехали на дачу. На грядках с морковью сидит пушистый белый крольчонок. Жена выходит из машины и превращается в лису. Ей навстречу выскакивает кобелёк – жирный, круглый и лысый. Подумал, что сейчас начнётся грызня. Но нет! Лиса и кобелёк обнюхались, потёрлись друг о друга и побежали в кусты.

Проснулся. Наволочка, простыня и майка были влажными от пота. После того как переоделся, заснуть уже не смог. Часа два крутился, пытался разобраться в смысле сновидения, но так и не понял. Встал в половине пятого. Чувствовал себя обессиленным и разбитым. Спускаясь по лестнице, подумал:

«До вечера меня не хватит».

На улице в предрассветных сумерках увидел Колю в одних трусах. Он стоял около колонки и набирал воду. Старик заметил меня, поднял руку и помахал.

– Привет! – бодро произнёс он.

– Привет! – едва слышно ответил я.

Ведро наполнилось, и Коля вылил воду на себя. Вскрикнув, рванул в дом.

Проводив взглядом экстремала, поднялся на второй этаж. Вошёл в кухню и включил электрическую плиту, которая из-за ветхости разогревалась очень долго. В меню на завтрак значились сырники и толстые блины. Из продуктов в холодильнике нашёл молоко и яйца; про творог старик забыл. Поставил дрожжевое тесто. Брат Коля так и не появился. На скотный двор пришлось идти самому.

Антон разносил сено по стойлам. Увидев меня, радостно заулыбался и спросил:

– Ты чего такой кислый?

– Плохо спал.

– Подожди, сейчас твоё самочувствие улучшим! – жизне-
радостно проговорил молодой друг и куда-то убежал. Через мгновенье Антон вернулся с табуреткой.

– Присядь, – попросил парень.

– Мне творог нужен.

– Присядь, присядь! – потребовал Антон.

– Зачем?

– Я прочитал про психологию человека и узнал о влияние на подсознание. Психотерапевт может внушить любую эмоциональную конструкцию, которая закрепит в подсознании необходимые ощущения. Так что присаживайся!

Голова плохо работала, а потому ни слова не понял из того, что сказал Антон.

– Мне творог нужен, – повторил я.

– Через пять минут получишь, а пока присядь!

По опыту общения с парнем знал, что тот не отвяжется пока не добьётся своего. Пришлось сесть.

– Закрой глаза!

Чтобы быстрее избавиться от Антона, закрыл.

– Теперь сделай глубокий вдох и задержи дыхание!

Я усиленно задышал.

– Нет, на надо дышать часто. Просто сделай глубокий вдох и задержи дыхание.

Набрав побольше воздуха, замер.

– Хорошо! – одобрил новоявленный психотерапевт. – Теперь представь свою усталость. Представил?

Не открывая глаз, кивнул.

– А теперь медленно выдыхай и представляй, как вместе со всем плохим, ты выдыхаешь усталость.

Я выдохнул и открыл глаза.

– Не так быстро! Давай снова! – распорядился Антон.

– У тебя коровы мычат, доить пора, а мне нужен творог, – проговорил сердито и приподнялся.

Молодой друг схватил за плечи и снова усадил.

– Ну что тебе стоит выполнить простое упражнение три раза!? – умоляюще воскликнул он.

– Ладно.

– Только, пожалуйста, со всей серьёзностью, – попросил Антон.

– Хорошо.

Я закрыл глаза. Сделал глубокий вдох, задержал воздух,

попытался представить, как выглядит усталость, но у меня не получилось. Чтобы отвязаться от парня, просто выдохнул. Снова сделал глубокий вдох.

– Подожди, – услышал голос брата Антона. – А как выглядит твоя усталость?

– Старуха с клюкой, бредущая по пыльной дороге, – со-
врал и посмотрел ему в глаза.

– Хорошо, продолжай!

Закрыв глаза и набрал побольше воздуха. Удивительное дело, но перед мысленным взором появилась пыльная дорога. Но не просто дорога, а хорошо знакомая. Правда, сознание не могло вспомнить, когда по ней ходил. Но откуда-то знал, что по этой дороге ходил много раз! Теперь в пыли брела старуха с клюкой.

Медленный выдох вытолкнул старуху и дорогу из видения. Снова набрал воздух, задержал дыхание и вновь увидел старуху. Выдох, она исчезла. Вдох – старуха, но не в лохмотьях. Выдох – исчезла. Вдох – пустая дорога. Выдох – вместо дороги возникла картина большого озера, берега которого покрывали красные маки. Открыл глаза и увидел улыбающегося парня.

– Ну вот, совсем другое дело, – сказал он и протянул пакет с творогом.

Я встал. Видимо, поднялся резко, а потому кровь прилила к голове. В ушах зазвенело. Невольно прислушался к другим ощущениям. Теплая волна поднималась от живота к груди.

По рукам и ногам бегали мурашки. Переступил с ноги на ногу, потряс кистями. Удивительно, но от утреннего изнеможения не осталось и следа! Чувствовал себя великолепно отдохнувшим. Начинаящий психотерапевт хлопнул по плечу и жизнерадостно проговорил:

– Понадобится помощь, обращайся!

– Как только, так сразу.

Взяв пакет, в задумчивости пошёл к выходу. Когда вернулся на кухню, то увидел Колю.

– Чем займёмся? – спросил он.

– Ты когда-нибудь делал сырники?

– Нет.

– Хочешь научиться?

– Да.

– Тогда достань большую миску.

– На пять или десять литров?

– Хватит пятилитровой, – сказал я и передал старику пакет с творогом. – Высыпи туда.

Наблюдая за работой помощника, пытался понять, что случилось в коровнике. Обычно, после бессонной ночи весь день чувствовал себя разбитым и усталым; даже холодное умывание не помогало. А тут посидел пять минут, прогнал какую-то старуху и готов к подвигам во славу общины!

«Что же произошло? Может быть дело в Антоне? Нет, он ничего такого не делал. Просто посадил, просто заставил представить», – подумал я.

– Дальше что? – спросил брат Коля, разглядывая меня.

– Ты о чём?

– Творог, миска, сырники.

– Да, сейчас.

Тряхнул головой, стараясь вернуть в память рецепт.

– Итак, разомни творог, насыпь туда большую ложку крахмала, соль и сахар по вкусу. Да, ещё разбей три яйца.

– В творог? – переспросил Коля.

– В творог, а лучше четыре, – ответил я и снова погрузился в раздумье.

«Антон ничего такого не делал. Просто заставил представить усталость. Вначале соврал, что представил. Антон не поверил. А может быть поверил? Нет, он ничего не сказал. Просто снова усадил. Видение дороги и старухи проявилось медленно, как на фотобумаге. Антон стоял рядом. Нет, он отходил. А иначе откуда мог взяться пакет с творогом?».

– Дело не в Антоне, – обронил брат Коля.

– Ты о чём?

– Вслух болтаешь, – пояснил старик.

– Выходит, что громко думаю, – сказал я и улыбнулся.

– Так бывает по первости, – улыбнулся в ответ брат Коля.

– А ещё как бывает?

– Ты не думай, я не жмотяра какой. Падаван не знает тайн джедая.

– Какой падаван? – не понял я.

Старик засмеялся.

– Тебе бы с моими внуками пообщаться. Они бы вмиг выучили. Это всё из «Звёздных войн». Ты – джедай, только поварской. То есть, учитель. Я падаван, твой ученик. И в других вопросах я только учусь. Поэтому мало в чём разбираюсь. Но то, что тебе помог не Антон, знаю точно. Ты сам себе помог. Вернее, твой ангел хранитель. Что последнее ты видел, когда гнал тоску?

– Я не тоску прогонял, а усталость.

– Это неважно от чего избавляешься. От всего можно, когда научился представлять. Что последнее ты видел, когда прогонял усталость?

Подумав, ответил:

– Синие небо, белые облака, голубое озеро и красные берега.

– Почему красные? От крови? – спросил брат Коля.

– Нет. Красные берега от цветов, от маков.

– Знакомая картинка?

И вот тут вспомнил!

– Да, из детства, – медленно проговорил я.

Отец иногда брал на рыбалку. До водохранилища было сто километров и добирались с пересадками. Как-то на майских праздниках поехали на три дня. На первый автобус опоздали, а потому сели на следующий. На место прибыли к полудню и около часа шли по пыльной дороге. Сухая глина и песок, словно просеянные через сито с микроскопическими отверстиями, толстым слоем коричневатого порошка

устилали просёлок. Солнце припекало. Пыль – нежная как пудра и лёгкая будто пух, взлетала при каждом шаге и долго висела в горячем воздухе. Оглядываясь назад, можно было видеть собственный след, плавающий над землей. Просёлок, измученный жарой, лениво извивался между холмами и одиночно стоящими деревьями. Легкий ветерок едва шевелил листву. Когда вывернули из очередного поворота, то увидели озеро. Ветер стих. Вода, как зеркало, отражала синие небо, белые облака и красные берега. От божественной красоты, вызвавшей восторг, захватило дух.

Это и увидел, сидя в коровнике.

– Всё понятно, – уверенно произнёс Коля. – Эта картинка в твоём мозгу связана с отдыхом, тишиной и покоем, который был редкостью для тебя, а потому памятным.

– А ты откуда знаешь, что редким?

– Это не я знаю, а твой ангел-хранитель. Он и прислал старое видение. Ты увидел, твои клетки вспомнили детство и стали отдохнувшими. Так маленькие помощники избавляют организм от всего чего хочешь.

– Клетки?

– Ну да.

– Они такое могут? – недоверчиво спросил я.

Коля покивал головой, как бы указывая на свои ноги.

– Они и не такое могут, – со значением проговорил он.

– Ты про руки и ноги?

– Я только падаван, – напомнил Коля, протягивая миску.

Попробовав творожную массу на соль и сахар, поинтересовался:

– Сколько у тебя внуков?

– Четверо, – ответил Николай. – Вот ради них и учусь готовить.

Увидел, как у брата Коли навернулись слёзы. Он отошёл. Больше вопросов ему не задавал.

Глава восьмая

В конце сентября на кухню зашёл брат Антон. Про таких как мой молодой друг говорят: «Душа-человек». От парня исходила доброта, которая согревала. Душевность поступков Антона убеждала в существовании безусловной любви. А его постоянное желание помогать, стало в общине притчей во языцех. Над парнем добродушно подсмеивались, но Антона это не беспокоило, и он всегда находил объект для заботы.

Свет, исходящий от парня, не погасила даже семейная трагедия. О ней молодой друг рассказал под большим секретом.

Отец юноши работал редактором в небольшом издательстве. Самозабвенно любил читать и привил сыну любовь к книгам. Антон рано начал сочинять стихи, рассказы и успел написать небольшую повесть. В семнадцать лет юноша мог бы иметь напечатанную книгу; в издательстве готовили небольшой тираж, но отец погиб.

Через год мать познакомили с Иваном, который был ненамного старше Антона. Тот оказался профессиональным обольстителем и жил за счёт женщин. Причём, молодого бездельника содержали три «мамочки» одновременно. Опытный альфонс назвал Антона ботаником и пообещал наставить на путь истинный. Сказал, что молодость и красота –

это товар, который необходимо умело продать. Вначале Антон думал, что Иван шутит, но быстро убедился в обратном; любовник матери познакомил юношу с директрисой магазина. Антон рассказал матери о сердечном друге и чем тот занимается. Она ответила, что обо всём догадывается. Но так как путные мужчины её возраста заняты, то выбрала молодого и красивого.

– Приятней торт сообща, чем экскременты в одиночку, – подвела черту под разговор интеллигентная пятидесятилетняя женщина.

Антон люто возненавидел Ивана и тот избавился от незаконного пасынка: посадил на тяжелые наркотики. Мать была увлечена молодым любовником, а потому про сына забыла. Когда врачи поставили крест на Антоне, озабоченная вдовица отвезла сына в общину.

Теперь, в конце сентября, мой молодой друг выглядел жизнерадостным.

– Скоро праздник Мирослава Селиверстова, – сообщил он.

– И что?

– Соберётся много последователей, а ещё будут посиделки.

– Много – это сколько? – спросил, подумав о возможном праздничном застолье.

– В прошлом году собралось около двухсот человек. В этом – будет больше. Только в нашей общине уже восемь-

десять братьев.

– А в прошлом году сколько было? – спросил я.

– Двадцать или тридцать. Точно не помню. К тому же, могут приехать гости из Центра. Так что человек четыреста наберётся.

Подумав о количестве глупцов, почитающих Селивёрстова за святого, усмехнулся. Брат Антон причину улыбки понял и сказал:

– Зря ты постоянно насмехаешься над Селивёрстовым. Его величие сравнимо с такими гениями как Королёв и Вернадский.

– Странно, но почему-то не заметил ничего особенного в его поучениях.

– Многие не понимают новаторства Селивёрстова. Его учение вбирает в себя всё лучшее, что имеется в других верованиях. Рано или поздно, но человечество придёт к одному общему постижению Высшего разума. Тогда каждый сможет творить силой своего сознания, но пока таких единицы.

– Тебе доводилось с ними встречаться? – поинтересовался я.

– Да и многому от них научился! Только моё желание не такое сильное, как у Коли. Сложно всем существом впитывать понятия главного и не испытывать противоречий.

– И что, по-твоему, самое главное?

– Вселенная принадлежит всем. Земля, вода, воздух, космос, человеческие знания – не могут быть чьей-либо соб-

ственностью.

– Подожди! – остановил молодого друга. – Но вот ты написал книгу. Разве она не является твоей собственностью?

– Нет! Моя книга, различные изобретения и всё, что имеется в нашей жизни, появляется не из головы. Все знания содержатся в информационном поле Земли и Вселенной. Сведения, почерпнутые из огромного хранилища, должны служить благом для всех. Всё для всех! Преуспевание каждого, является преуспеванием всех. Каждый делает для других то, что может. Взамен получает необходимое. Бесконфликтное существование создаёт условие для обретения вечной жизни на Земле. Таково назначение.

– Кодекс строителей коммунизма. От каждого по способности, каждому по потребности. Почти семьдесят лет страна созидала, но построить светлого общества не смогла.

– А всё потому, что никто искренне не следовал заповедям! – горячо произнёс Антон. – В сознании возобладала частная собственность!

– Вижу, что главное ты впитал. А в чём противоречие?

Антон вздохнул и ответил:

– Никак не могу отделиться от понятий «моё тело», «моё сознание», «моя душа».

Засмеявшись, спросил:

– Частная собственность заела?

– Зря веселишься! – обиделся брат Антон. – Без осознания единства со всем миром, никогда не станешь творцом!

А тебе скоро потребуется выбираться из скорлупы отрицаний. Посмотрим тогда, как ты будешь улыбаться!

Спорить и ссориться с молодым другом не хотел, а потому сменил тему и задал вопрос:

– Послушай, Антон, а кто занимался приготовлением еды на всю приехавшую братию. Ты?

Парень засмеялся и ответил:

– Нет, обед праздничный. Приглашали настоящего повара. Я бы своей стряпнёй всю обедню испортил. Но теперь, думаю, что готовить придётся тебе. Ты у нас классный специалист. Конечно, дадут помощников сколько попросишь, но вся готовка ляжет на тебя.

Мой молодой друг оказался прав. В начале октября появился Алексей Неверов.

– Как ты? – спросил он.

– Сам у себя списываю, сам себя оцениваю, сам себе ставлю отметку.

– Прости, брат Саша, не пойму, о чём речь.

– Ты меня извини, это я так, о своём. А вообще, привыкаю к состоянию невесомости.

– Доброе предзнаменования, но не забывай про землю, – сказал брат Алексей и улыбнулся. – Догадываешься зачем пришёл?

– Могу только предполагать, – ответил я. – Что-нибудь, связанное с праздником.

– Верно. Меня интересует, сможешь ли ты приготовить

что-нибудь особенное или необходимо приглашать профессионала?

– Брат Алексей, что ты понимаешь под словом «особенное»? – поинтересовался, отходя от плиты.

– Плов, к примеру, или жаркое.

– На сколько человек?

– Четыреста пятьдесят.

После непродолжительного раздумья, сказал:

– Даже если делать с запасом – пятьсот порций, то ты говоришь о несложной задаче.

Старший брат улыбнулся.

– А какая сложная? – спросил он.

– Если бы ты сказал про четыреста пирожных или тортов, тогда возникли бы трудности.

– Нет, пироги и торты предполагаю заказать в городе.

– Плита у нас старая, долго на разогреве стоит, а вот духовые шкафы отличные. Сто больших пирогов с картофелем, капустой, грибами или мясом сами можем сделать.

Алексей с интересом посмотрел на меня. После недолгого раздумья, кивнул в знак согласия.

– Хорошо, сами так сами, – сказал он. – Ты когда освободишься?

– Обед отведём и буду свободен.

Подошёл брат Николай, тронул за локоть и тихо произнёс:

– Вся еда готова. Раздать и сам смогу. Ты иди, дело-то важное.

– Что, правда обойдёшься? – добросердечно спросил у старика Алексей, обнимая за плечи.

– Спасибо, Иваныч, за всё. Силушка-то, возвращается. Не та, что прежде, но уже достаточная.

– Ну как, оставим брата Колю на хозяйстве? – беззаботно, как мне показалось, спросил Неверов.

Я неопределённо пожал плечами. Как ни как, а старику было семьдесят два года. Взглядом показал Алексею на кастрюлю с первым, в которой было литров сорок.

– Ничего, – успокоил он. – Коля говорит, что справится. Старший брат подтолкнул к двери. Снял белую куртку, и мы вышли.

Полуденное солнце висело в небе и нежаркие лучи освещали холм. После раскалённой плиты и душного помещения октябрьский воздух показался особенно чистым и приятным. Легкий ветерок из леса омывал горьковатыми запахами запревающей хвои, мокрой листвы и свежих грибов.

Алексей направился к высокой сосне, посаженной по приданию Мирославом Селивёрстовым. Дерево высотой метров сорок, которое с трудом могли обхватить три человека, верхушкой цепляла проплывающие облака. Столы, приготовленные к празднику, окружали гиганта со всех сторон и ровными рядами расходились, как лучи от солнца.

– Теперь представляешь, сколько народу нужно угостить? – спросил Неверов.

– Не волнуйся, Алексей, у меня имеется подобный опыт.

Старший брат недоверчиво посмотрел на меня.

– Пятьсот человек кормил? – поинтересовался он.

– Восемьсот. Было такое, каждый день готовил на восемьсот человек.

Я не придумывал. Когда учился в институте, нас каждый год посылали собирать хлопок. Размешали в школе, где спали в классах на раскладушках. Еду готовил вороватый завхоз. Он так усердствовал, что в котёл студентов попадал самый минимум, а то и вообще, кроме картошки и воды ничего не было. Наша группа – «Экономика и организация», взбунтовалась. К нам присоединились другие студенты. Меня, как зачинщика, вызвали к проректору. Не будь я старостой и именованным стипендиатом, меня бы отчислили. А так, рассчитывая припугнуть, предложили готовить для всех. Я согласился. После этого студенты ходили сытыми и довольными, а вороватому завхозу пришлось отказаться от «Мальборо» и снова перейти на «Приму».

– Не волнуйся, – повторил я. – Накормим мы пятьсот человек. А если ты меня удивишь, то плов будет таким, какого в жизни не пробовал.

Неверов вопрошающе уставился на меня.

– Чем же удивить тебя? – спросил он.

– Привези курдюк и казы.

– Козу?!

– Казы – это конская колбаса. Братии не запрещено есть конское мясо?

– Сам знаешь, Мирослав Селивёрстов запретов на продукты питания не оставлял. После недельного поста, позволял вкушать всё.

– Ну вот и привези казы и курдюк. Курдючное сало.

– В первый раз о таком слышу, – признался Неверов.

– Поспрашивай в городе на рынках. Кониной там и бараниной торгуют. Значит и курдючное сало должно быть.

– А риса тебе сколько понадобится? – спросил старший брат.

– Полтора мешка. Килограммов восемьдесят. Потом нужна братия – человек шесть, для заготовок. Николая и Антона не считай. Они будут помогать у казанов. Найдутся два больших казана?

– Нужна два казана?! – удивился Алексей.

– Мы же не для цыплят готовить собираемся! Будет стыдно, если кому-то не хватит.

Неверов долго смотрел на меня.

– Ты хоть и нигилист, но мне с тобой расставаться будет жалко, – наконец выговорил он.

– Ты о чём?

– После праздника в город переводят, а мне уезжать не хочется.

Алексей подошел к сосне, погладил шершавый ствол.

– Душа прикипела к святому месту, – тихо произнёс он.

– Разве «хочу» на тебя не распространяется? Ты сам говорил, братия делает только то, что хочет.

– Чтобы одни имели свободу выбора, другим необходимо руководствоваться словом «надо». В городе много неприка-
янных душ, которым нужна помощь и забота. Призванные
нести свет знания, счастливы единением с Богом.

– А кому нужен свет знания при убогой жизни? – спросил,
горько усмехнувшись.

– Рано или поздно потребность света возникает в каждой
душе. Необходимо делать так, чтобы возможность его полу-
чить присутствовала всегда.

– Я не знаю, что тебе сказать на очередную словесную за-
умь.

– Ничего говорить не надо. Просто выполни то, что обе-
щаешь.

Глава девятая

Прошло три недели после праздника. По словам Антона, который разрывался между заготовками, накрыванием столов и мероприятиями в общине, такого торжества ещё не видели.

Приехали руководители «Вселенной для всех» из самой Москвы. Их интересовали успехи в области омоложения. Они долго беседовали с Николаем, которого пришлось освободить от работ на кухне. Встречались с чудо-женщиной – семидесятилетней сестрой Натальей.

Антон показал её, когда женщина сидела за накрытым столом. На мой взгляд, в сестре не было ничего особенного. Подумал, что Наталья обыкновенная сорокалетняя женщина, изображающая старуху. Антон со мной не согласился. Сказал, что помнит её по прошлому году. Тогда сестра Наталья выглядела старше.

Возражать не стал; не было времени на споры. Народ за праздничным столом не давал расслабиться. Плова едва-едва хватило. Братья из общин, не очень стесняясь, подходили за добавкой по два-три раза. Бригадир Михаил раскатистым басом прогрохотал:

– Брат Саша, кончай так вкусно готовить. Я на твоих харчах поправляюсь, как на курорте.

Остались довольными обедом и московские гости. Один

из них даже пожурил брата Алексея за расточительность.

– Ваш приглашённый повар хорош, но обошёлся, наверное, в копейчку, – сказал он Неверову.

– Нет, повар наш, из общины.

– Не может такого быть! Даже в Москве не везде встречаются такие экзотические яства!

Руководителя из столицы можно было понять. На столе, кроме плова, салатов и пирогов, стояли самса, манты, ханум. Все эти кушанья пришлось готовить диетическими. Алексей сказал, что будут гости, не употребляющие мяса. В течение всего застолья старший брат постоянно подходил и спрашивал:

– Вегетарианское?

– Вегетарианское.

– Как называется?

– Манты с тыквой, ханум с картофелем, самса с капустой, – перечислял я.

Брат Коля, после общения с москвичами, усердно трудился рядом. Он учился делать и эти блюда. В последнее время старик самостоятельно готовил молочные каши и запеканки, пёк пироги и пирожные.

– Раньше ничего не варил, – признался он. – А теперь вот ради внуков стараюсь.

Отношения со стариком оставались ровными, хотя дружескими назвать их было нельзя. Он, по-прежнему, мало говорил, особенно когда речь заходила о семье. Правда, как-то

обмолвился, что четверо его внуков живут в приюте.

В перерывах между обедом и ужиным, Коля уходил к доктору. Чем там он занимался, тоже не рассказывал. И его встреча с москвичами осталась тайной за семью печатями. Наблюдая за своим помощником, отметил, что перемены во внешности старика продолжают происходить. К концу месяца брат Коля ходил прямо и не горбился, исчезла шаркающая походка; его тело наполнилось силой.

Когда старик с легкостью положил на плечо мешок с картофелем, не удержался и спросил:

– Коля, а тебе правда семьдесят два года?

– Теперь уже нет, – хитро проговорил он и подмигнул. – Теперь помоложе тебя буду.

– Как это? – не понял я.

Старик засмеялся, ничего не ответил и вышел. Хотел пойти за ним, но в дверях столкнулся с братом Михаилом. Бригадир приобнял и спросил:

– Куда намылился?

– Да так! – отмахнулся, не зная, что ответить.

– Ну тогда не торопись, – сказал Михаил, вталкивая в кухню. – Шесть человек уезжают на работы в деревню. Им нужен паёк с собой. Так что давай, отоваривай.

После непродолжительного раздумья спросил:

– Первое нужно?

– Да.

Взял десятилитровый термос, налил до половины. В ка-

стрюлю положил гречку и котлеты.

– Могу добавить подливку, но прямо в кастрюлю, – сказал бригадиру, который стоял у окна и наблюдал за Колей.

– Тебе он на сегодня нужен?

Я неопределённо пожал плечами.

– У нас народу не хватает, – пояснил Михаил. – Старый в самый раз бы сгодился.

Секунду помолчав, осторожно, чтобы не выглядеть глупо, спросил:

– А тебе не кажется, что Коля как-то изменился?

Бригадир усмехнулся.

– Не кажется, – произнёс он иронично. – Я и так знаю, что он молодеет.

– Действительно молодеет?

– Натурально.

– Разве такое возможно?

Бригадир указал пальцем наверх и сказал:

– Руководство просто так не приезжает. К Коле не зря проявили интерес. Он в процессе преобразования.

– Каким образом?!

– Ты что, про одиннадцать «Д» никогда не слышал? – с усмешкой спросил брат Михаил.

– И что, с их помощью можно помолодеть?

– Не только, – ответил бригадир, устанавливая в рюкзак термос и кастрюлю. – А что с питьём?

Пластиковую пятилитровую бутылку наполнил компо-

том.

– Ты хочешь сказать, что помолодеть может каждый?
И даже ты?

– И даже я, – ответил бригадир. – Только это сложно. Мне даровали здоровье, долголетие и слава Богу!

– А в чём сложность?

– Сложность в вере. По вере твоей, тебе и дано будет.

– Ты пробовал?

– Извини, но меня люди ждут. Так что, отдаёшь Николая?

Пожав плечами, ответил:

– Я ему не начальник. Пусть сам решает. Только ему к доктору нужно.

– Брат Кирилл в отъезде. Кажется в городе, – сказал Михаил и вышел.

Привыкнув, что на раздаче стоит брат Коля, с трудом справлялся с голодной оравой.

– Народу ему не хватает, – ворчал в полголоса, едва успевая наливать суп в миски, раскладывать гречку с котлетами. Хорошо, что подошёл Антон. Вдвоем дело пошло значительно быстрее.

Обед закончился. Молодой друг остался и помог с мытьём посуды. Когда работа по кухне близилась к концу, парень спросил:

– А где брат Коля?

– Не знаю, уехал куда-то с бригадой.

– Понято, зимние заготовки угля. Каждую осень кто-ни-

будь едет на погрузку. Значит сегодня ночью машины придут.

– Какие машины? – не понял я.

– Ну с углем. Ты что, меня не слушаешь?

– Извини, задумался.

– О чём?

– О переменах, которые происходят с братом Колей.

Антон бросил взгляд.

– Всё-таки не веришь, что он молодеет?

– Можно подумать, что ты по-настоящему веришь?

– Веры у меня нет, но я знаю! – твёрдо заявил Антон. –

Знания сильнее веры. Когда перед глазами пример, то никакой веры не требуется. Если видишь, то сам меняешься.

С недоумением посмотрел на молодого друга и спросил:

– Может быть, ты тоже старик?

– Нет, – засмеялся парень. – Я не старик, но был наркоманом. Большие «Д» помогли остановиться. Теперь стараюсь перейти на высокие вибрации и тогда смогу лечить людей как брат Кирилл.

– Что значить перейти на высокие вибрации? Так правильно спрашивать?

Антон кивнул в знак согласия и пояснил:

– Постигание высшего «Я» происходит на чистых высоких вибрациях. У меня плохо получается с большими «Д». Сложно сохранять душевное спокойствие, когда воспоминания наваливаются. Не могу простить мать. По сути, она вы-

кинула меня из жизни, заменив молодым любовником.

– Ты ненавидишь мать? – осторожно спросил я.

– Когда отец умер, то оставил мне машину, квартиру, дачу, гараж. Мать, ссылаясь на мою наркозависимость, переписала всё на себя, а потом на своего котика. Душевное спокойствие требует очищения от мирского. Иногда получается руководствоваться безусловной любовью и прощением. Тогда злость уходит, открывается чистота сознания. Но как увижу Альфа-Ромео, так сразу вспоминаю папину машину, а за ней всё остальное. Поэтому и в город не езжу.

Антон снял халат и прощаясь, протянул руку. Пытаясь подбодрить молодого друга, сказал:

– Такое сложно простить, но думаю, у тебя получится.

– Не знаю. Мне даже придуманные обстоятельства не помогают.

– Что за обстоятельства? – не понял я.

– Когда требуется простить человека, который совершил подлость, придумываешь обстоятельства, оправдывающие его.

– Понятно.

– Я пытался найти для матери оправдание, но так и не нашёл. Не даётся мне искреннее прощение. Как ты говоришь, частная собственность заедает.

При этом молодой друг горько усмехнулся. Чтобы отвлечь парня от неприятных воспоминаний, спросил:

– А про какой пример перед глазами ты говорил?

Брат Антон вздохнул и сказал:

– Это я про Колю. Когда старик приехал в общину, в нём жизни оставалось на копейку. Теперь он уголь грузит и мешки носит.

– Может быть, просто выздоровел?

– Нет, я слышал медитацию старика. Он перенастраивает клетки на тридцатилетнее существование, о чём и просит помощи у Высших сил.

– Высшие силы помогают перенастраивать клетки?

– Понимаю, тебе трудно поверить, но ты чаще смотри на Колю. Не пропусти момента и тогда придут знания, рождающие крепкую веру.

Глава десятая

Увидеть до конца процесс омоложения Коли не довелось. Как-то на кухню пришёл Алексей Неверов, которого не встречал дней десять. Жизнь в городе, а может быть костюм-тройка делали его, как вначале показалось, официально-отстранённым. Но когда он протянул руку и спросил: «Невесомость прошла?», то понял, что Неверов остался тем же добрым, чутким, братом Алексеем.

Оглядев моё хозяйство, Неверов поинтересовался:

– Как считаешь, Николая можно определять на самостоятельную работу?

– Что за работа?

– «Вселенная» открывает социальную столовую и там нужен повар.

Я задумался. Работать в городе и жить, как делали многие из общины, было заманчиво. Можно встречаться с ребёнком, по которому сильно скучал. И если повезёт с жильём, то забирать мальчика на выходные. Я хотел сказать Алексею, что и сам мог бы поработать в столовой, но вспомнил о внуках Коли, которые жили в приюте. Вздохнув, тихо произнёс:

– Столовая не ресторан, брат Николай потянет.

Алексей ушёл, но быстро вернулся.

– Коля отказался, – сказал он. – А ты не хочешь?

– Как отказался?

– Через три недели Коля уезжает совсем.

– Почему?

– Какие-то семейные проблемы.

– А разве ему можно покидать общину? Ведь брат Коля в процессе омоложения.

Алексей засмеялся.

– У нас не тюрьма. Каждый волен приходить и уходить в любой момент, – проговорил он с долей иронии. – Ну так что, поедешь в город?

– А здесь кто будет?

– Пока Николай, а потом, наверное, брат Антон вернётся на кухню.

Я невольно улыбнулся. Алексей увидел.

– Думаешь, не справится? – спросил он.

– Справится, но только вряд ли он сможет от телят оторваться.

– Брат Антон человек добросердечный и не захочет оставлять братьев без хлеба насущного. А у телят бывать ему никто не запретит. Думаю, всё утрясётся. Если ты решился, то собирай вещи. Завтра утром поедем.

– Хорошо.

– Да, и пожалуйста, к доктору не забудь зайти, – попросил Неверов.

– Зачем? – не понял я.

– Карточку закрой и получи напутственный совет, – улыбнувшись, сказал брат Алексей.

Брат Кирилл посмотрел на меня и неодобрительно проворчал:

– Зря ты с городом торопишься. Тебе бы ещё месяц пожить в гармонии с природой. Тогда физические силы восстановились бы полностью.

– Но я себя прекрасно чувствую.

– Следование советам Мирослава тебя оздоровило, но не до конца.

– Подожди, таиб, какое следование?! Ты же знаешь о моём отношении к наставлениям вашего Учителя.

– Знаю. Твой интерес к большим «Д» проснулся с запозданием, но это не означает, что ты не следовал Правилам.

– Я следовал?!

– Да, твоя жизнь в общине проходила в соответствии с наставлениями Селивёрстова.

– Ты насчёт не курить и не пить?

– Не только.

– А что ещё?

– По утрам ты умывался холодной водой. Проводил время в Движении, был окружён Дружелюбием братьев. Добровольно выбрал работу, от которой испытывал Душевный подъём. Правила больших «Д».

– Получается, что без меня, меня женили?

– Нет, это был твой выбор. Насильно никого в общине не удерживают.

– Да, понимаю. Брат Алексей сказал, чтобы карточку закрыл и получил совет.

– Ну, карточку закрывать я не стану. Думаю, что мы ещё не прощаемся. А советы простые и выполнять их несложно. Во-первых, избегай людей злых. Во-вторых, не давай негативным эмоциям владеть тобой. В-третьих, помни о безусловной любви и прощении.

Поблагодарив доктора, ушёл.

К вечеру в общине стало известно, что перебираюсь в город. Первым подошёл брат Михаил. Его полновато-округлое лицо выражало искреннее огорчение. Он сжал кисть так, словно хотел раздавить.

– Жаль, очень жаль! – с чувством пробасил бригадир. – Если что пойдёт не так, возвращайся. Ты тут к месту. Я для тебя отдельную комнату подготовлю.

– Спасибо.

– Помни, отдельную комнату! – повторил брат Михаил и попрощался.

Потом заглянул Антон.

– Ты нас не забывай! Приезжай, когда сможешь. Ты удивительный человек с разрушительным складом ума, и аура у тебя жёлтая с неестественным сочетанием.

– С неестественным сочетанием? Почему? – спросил я.

– Не знаю. От тебя исходит желтое свечение, но на него накладываются черные с зелено-коричневым оттенки.

– Это плохо?

– Нет ничего плохого в мире, как нет ничего хорошего. Существуют понятия естественного и противоестественного – порождённые человеком метки. Жаль, что не успел до конца понять

– Что понять?

– Куда ум тебя приведёт. Хочется верить, что к созиданию, а не к разрушению, – сказал молодой друг и ушёл.

Последним наведалься Николай.

– Думаю, увидимся, – заявил он.

– А разве ты не уезжаешь?

– Уезжаю. Но мне потребуется подпитка, а потому на встречах появлюсь. Не здесь, так в городе. Может через месяц или два.

Глава одиннадцатая

Рано утром, когда братия ещё спала, мы с Алексеем тряслись в «Ниве» по знакомой ухабистой дороге. На месте оказались около восьми утра. Офис «Вселенной для всех» находился в центре города. Решетчатая ограда окружала трёхэтажное здание, облицованное жёлтым кирпичом. В чистом дворике, где на ухоженных клумбах всё ещё цвели астры, было многолюдно. На скамейках под навесами сидели какие-то люди и мирно дремали. С появлением Алексея, народ ожил и пришёл в движение.

– Смотритель! Смотритель приехал! – послышалось с разных сторон.

– О ком они? – удивлённо спросил я.

– Обо мне. Должность моя так официально называется, – ответил Алексей, входя в здание.

– А мне теперь как к тебе обращаться? Смотритель или господин? – съязвил я.

Неверов вздохнул.

– Кончай! – сердито выговорил он. – Не мною поименованы служебные должности, самому не нравится, но так установлено Главным Советом.

В приёмной за секретарским столом сидела женщина лет пятидесяти. Увидев нас, встала.

– Здравствуйте, Алексей Иванович, – тихим голосом про-

изнесла она.

– Здравствуйте, сестра Ольга. Что у нас за люди во дворе? – поинтересовался Неверов.

– В среду «Утренний город» опубликовал ваше интервью, где говорится о социальной столовой и бесплатных обедах. Второй день люди приходят к нам за талонами.

Секретарь подала еженедельник, где на первой полосе поместили фотографию Неверова с какой-то дамой.

– Вопросы с обеспечением талонов решает районной Центр социального обслуживания. Вы разве не в курсе?

– Я в курсе, но там ничего не знают. Я четыре раза звонила и каждый раз мне отвечают, что нет никаких распоряжений от руководства.

– Хорошо, сейчас займусь этим вопросом, – сказал Неверов и посмотрел на меня. – Саша, ты пока отдохни. К обеду тебе подберут жильё. Смотреть новое место работы поедem завтра.

– Идёт, – тихо произнёс я.

Уловив в голосе нотки растерянности, Алексей ободряюще улыбнулся.

– Не кисни, – весело проговорил он. – Сестра Ольга поможет освоиться.

Неверов повернулся к женщине и распорядился:

– Помогите брату Александру с жильём и со вселением. Расскажите о наших правилах. Брат Саша возглавит пункт питания. А меня соедините с Анной Васильевной из город-

ского департамента.

– Да, сейчас.

Неверов пожал руку.

– До завтра, – сказал он, вошёл в кабинет и закрыл дверь, на которой висела табличка: «Вселенная для всех». Алексей Иванович Неверов – региональный смотритель».

Сестра Ольга жестом предложила сесть на диван. После того, как соединила Неверова с кем-то из городского руководства, ушла в подсобное помещение. Вскоре вышла с подносом и направилась в кабинет. Так же быстро вернулась.

– Попьёте чаю? – спросила она.

– Не откажусь.

Поставив передо мной чашку, женщина присела рядом.

– Вы одинокий? – поинтересовалась сестра Ольга.

– Что? – не понял я. – В смысле жилья. Вы один будите проживать, или с кем-то?

– Один, – ответил я, подумав про неопределённость в будущей работе.

– Вам подселение подойдёт?

– Подселение?

– Да. Есть прекрасная большая комната. Недалеко от общественной столовой. В двухкомнатной квартире проживает женщина – моя мама. Она тихая, вас беспокоить не будет. В вашем распоряжение большая комната с балконом. К тому же, всё есть. Вся мебель – шкаф, комод, диван, постельные принадлежности. Холодильник, стиральная маши-

на, микроволновая печь. Вселяйтесь и живите. Вы ведь без вредных привычек?

– Не пью и не курю. Если вы про это?

– По вам видно, что вы человек спокойный и положительный.

– Спасибо. А сколько будет стоить проживание?

– Вы не волнуйтесь, организация оплачивает. Сейчас вам адрес запишу, и вы может туда поехать. Маме я позвоню.

Сестра Ольга подошла к письменному столу, что-то написала на листочке.

– Вот адрес. Найдёте?

– Да.

Женщина протянула пластиковую папку.

– Здесь свод правил, связанных с жизнью общины в городе, – сказала она. – Вам, как служащему лицу, необходимо приходить в офис к восьми утра на планёрку. Почитаете, разберётесь. Также тут найдёте деньги на первое время.

Вселение на новое место произошло быстро. Дверь открыла пожилая женщина, с отеком лицом, глубокими морщинами, красными прожилками на щеках. Не здороваясь, она сердито спросила:

– Сектант?

– Что, простите?

– Дочка моя сектант. Каждый раз присылаем мне квартирантов из своей секты. Ты сектант?

– Скорее, я повар.

Женщина удивилась.

– Что, правда?! – воскликнула она.

– Хотите проверить?

– Заходи, – сказала хозяйка, пропуская меня в квартиру. –

Нет, проверять тебя не собираюсь. Просто мой покойный муж был поваром. Удивительно! Мужики-повара мне редко встречались. Ты надолго вселяешься?

– Не знаю. Время покажет. Может быть я вам не подойду.

– Подойдёшь! – безапелляционно заявила пожилая женщина. – Я спокойная, и спокойных уважаю. Меня Тамарой Михайловной зовут, но лучше Тамарой и давай на «ты». Не люблю я этих церемоний.

– Хорошо, Тамара. На «ты», так на «ты»

– Ну идём комнату смотреть.

Хозяйка прошла по длинному коридору и открыла дверь с левой стороны.

– Давай проходи, – сказала она, пропуская меня.

Большая чистая комната со столом, диваном, шкафом и телевизором понравилась сразу. После спальни в общине, она показалась раем. Приглянулся и балкон со встроенным шкафом и верёвками для сушки. Третий этаж позволил оглядеть окрестности. Красно-белая постройка на фоне серых пятиэтажек привлекла внимание.

– Там магазин? – поинтересовался я.

– Магазин, – подтвердила Тамара. – Хочешь что-нибудь

купить?

– Да, нужно сообразить на счёт еды.

– Пойдём холодильник посмотреть.

По дороге на кухню хозяйка показала туалет, ванную и кладовку. Большой двухкамерный холодильник стоял около окна.

– Верхняя полка в холодильнике и ящик в морозилке твои. Борщ будешь есть? – предложила Тамара.

– Нет. Извини, но я сам привык готовить.

– Совсем, как мой покойничек.

– Твой муж давно умер?

– Семь лет тому назад, – ответила пожилая женщина и ушла в свою комнату.

Я подумал, что женщина расстроилась. Когда собрался уходить, Тамара подала брелок и сто рублей.

– Вот тебе ключ, а это купи мне маленькую, – проговорила она горестно. – Нужно мне расслабиться. Ты заставил вспомнить о муже.

Глава двенадцатая

На следующих день с Алексеем поехали смотреть столовую. Подготовкой к открытию занимались администрация города и благотворительный фонд «Вселенной для всех». Большое помещение находилось на первом этаже швейной фабрики. Когда предприятие по пошиву белья закрылось, перестала работать и столовая. Капитальный ремонт и новое оборудование превратили простую точку общепита в красивое современное кафе.

Открытие столовой, по старой, но незабытой традиции, приурочили к ноябрьским праздникам. В моём распоряжении было десять дней для проверки жарочных шкафов, электроплит, пищевых котлов и другого оборудования.

На мой взгляд, закупили много ненужного, но Алексей сказал:

- Перечень определил городской департамент.
- Это лишние затраты. Тебе так не кажется?
- Думаю, что у администрации далекоидущие планы.
- И «Вселенная» не возражает?
- «Вселенная», как ты помнишь, она для всех. И если город собирается помогать обездоленным, мы не останемся в стороне.
- Тогда нужно подумать об использовании всего оборудования.

– С твоими талантами, мы тут модный ресторан организуем, – с энтузиазмом проговорил Неверов.

– В таком случае нужно добирать штат.

– Доберём. А тебе необходимо пройти медкомиссию и обзавестись медкнижкой.

– Это я понял.

– Завтра на планёрку можешь не приходить, а отправляйся в клинику «Доброе дело». У нас с ними договор. Назовёшь себя и до обеда пройдёшь всех врачей.

– Хорошо, но мне нужны продукты.

– Какие?

– Рис, макароны, мука. И хотя бы один помощник.

Алексей задумался и помедлив, сказал:

– Тогда сделаем вот как. Твой поход на медкомиссию пока отменим. Придёшь на планёрку и познакомишься с руководителями подразделений. С ними будешь решать вопросы поставок. Ну и помощника тебе подберём. Уверен, что одного хватит?

– На первое время, – ответил я.

На планёрке, понял, что Антон, называя цифру пять тысяч, несильно ошибался. На расширенную встречу собрались старшие братья из всех районов области. Каждая община для социальной столовой выделяла часть продуктов: начиная от картофеля и овощей, до молока и мяса. Муку и крупы обязался поставлять торговый дом «Русское раздолье».

– Почему он будет это делать? – тихо спросил у Алексея.

– Торговый дом принадлежит «Вселенной», – ответил региональный смотритель.

На планёрке познакомился с братом Марком, который отвечал за снабжение подразделений; всего их было пять. Неверов представил меня как старшего брата Александра, отвечающего за работу социальной столовой. Региональный смотритель назвал мою деятельность перспективной, способной привести к росту доходов.

– Брат Александр профессиональный ресторатор? – спросил один из руководителей.

Неверов жестом предоставил мне слово.

– Нет, – ответил я, поднимаясь.

– Брат Александр, может быть у тебя большой опыт работы?

– Нет.

– Тогда почему ты думаешь, что справишься с этой непростой деятельностью?

Допрашивающий брат вызвал отвращение. Тонкие губы на продолговатом лице складывались трубочкой и выдвигались словно для поцелуя. Назидательный тон, которого в общине не слышал, сопровождался прищёлкиванием языка. При этом незнакомый брат часто подносил платок ко рту и промокал слюни.

Не сдержавшись, с издёвкой ответил:

– Предпочитаю больше работать, меньше думать.

– Прежде чем утверждать брата Александр на такую ответственную должность, нам следует дать ему время на размышление, – прощёлкал руководитель подразделения.

Неожиданно за меня вступился Марк.

– Брат Фома, – проговорил он, выделяя имя. – Ты не посетил праздник Мирослава Селиверстова...

– Я болел и сейчас нездоров!

– Мы это знаем. Ни у кого нет сомнений по вопросу твоей болезни. Но из-за отсутствия на празднике, ты упускаешь из вида важное обстоятельство.

– Какое же?

– Угощения, приготовленные братом Александром, были выше всяких похвал и заслужили высокую оценку руководителей Центра. Такого изобилия не было ни на одном празднике.

Присутствующие на планёрке оживились. Послышались одобрительные высказывания. Один из руководителей воскликнул:

– Брат Саша, тебе необходимо организовать курсы для наших жен! Неделю просил супругу приготовить пельмени с тыквой, так и не смогла.

– Не пельмени, а манты, – поправил кто-то.

Региональный смотритель призвал к порядку.

– Братья, давайте успокоимся! – потребовал Алексей. – Над вопросами курсов, подумаем. Больше ни у кого нет сомнений в компетенции брата Александра?

Дружное «нет» прозвучало со всех сторон.

– Ну и хорошо.

После планёрки Неверов пояснил.

– Фома проталкивал на столовую свою сестру.

– Я не держусь за это место.

– Ты не держись, но нам людей кормить необходимо качественно. За работой будет постоянно следить представитель муниципалитета. К тому же, Мария не обладает твоим талантом.

– Так уж и талантом, – сердито пробурчал я.

– А ещё, – продолжил Неверов, – брат Фома претендовал на должность регионального смотрителя.

– Понятно, даже здесь идёт грызня за власть.

– Грызни никакой нет. Я не хотел этой должности, но Совет решил, что брат Фома не готов руководить регионом. Амбиции ему мешают.

– Всё как у всех!

– Мы живые люди, и тоже не без греха. А с Марией тебе придётся познакомиться. На первых порах она будет твоим помощником.

– Овощи чистить, посуду мыть, на кухне убирать? – с сомнением спросил я.

Алексей улыбнулся и ответил:

– Ты не в районной общине! Привыкай мыслить иными категориями. Штат у тебя значительный – с уборщицей, под-

собным рабочим и поваром-помощником.

– А повар-помощник – Мария?

– Да, и это не обсуждается.

– Захочет ли она работать руками?

– Если не будет справляться, уберём, – сказал брат Алексей.

Глава тринадцатая

Опасения, связанные с сестрой Марией, были ненапряжными. Худощавая, невысокая женщина лет сорока, похожая на брата Фому, вела себя вызывающе. Она говорила начальственным тоном, не забывала напоминать о технологическом образовании и постоянно контролировала закладку продуктов. Старался не обращать внимания на её высокомерие, колкости, откровенную лень. Сестра Мария всегда держала руки в карманах накрахмаленного халатика.

Зато подсобный рабочий – брат Виталий, оказался дельным. Выполнив свою работу, стремился учиться новому.

Наблюдая за моими действиями, как-то сказал:

– Брат Саша, ты как робот.

– В каком смысле?

– Твои руки существуют сами по себе. Они смешивают, наливают, снимают с жаровни, и всё на автомате. При этом твоя голова занята совершенно другими мыслями.

– Привычка, оставшаяся после общины.

– А что было в общине?

– Много работы и один помощник. Чтобы накормить братию, процесс приготовления приходилось обдумывать заранее. Потом уже действовать на автопилоте.

– У тебя здорово получается.

Проверка жарочных шкафов и другого электрооборудо-

вания превратилась в дни коллективной дегустации. Сотрудники «Вселенной» пробовали всё, что мы варили, жарили, выпекали.

В первый испытательный день приехал региональный зритель с мэром города – Татьяной Николаевной Фединой. Градоначальник хотела убедиться, что её детище оправдывает ожидания людей. Она придирчиво осмотрела зал и кухню, по списку проверила наличие оборудования, попробовала готовые блюда.

– Всегда так будут вкусно или специально для меня старались? – поинтересовалась Федина.

– Татьяна Николаевна, брат Александр о вашем визите не знал, – ответил зритель. – Исходя из прошлого опыта, могу заверить, он всегда вкусно готовит.

– Ну тогда я каждый день здесь буду обедать, – то ли в шутку, то ли всерьёз сказала мэр.

В торжественной обстановке открыли социальную столовую. На празднике всех гостей, в том числе журналистов, кормили бесплатно. Пресс-конференция, которую давала мэр, подтвердила, что у администрации большие планы. Отвечая на вопросы: «В каком режиме будет работать общепитовская точка? Будет ли она кормить только определённую категорию или станет функционировать, как доступное кофе?», Федина сказала:

– Понадобится время для определения потенциала столо-

вой и потребностей города. Возможно, что количество бесплатно питающихся возрастёт с четырёхсот до шестисот человек.

На следующий день, во время планёрки региональный смотритель спросил:

– Брат Александр, социальная столовая могла бы кормить шестьсот человек?

Подумав, ответил:

– Варочных котлов у нас достаточно. Возможно, следует докупить ещё один кипятильник на тридцать литров.

– А если без «возможно»? – спросил руководитель отдела информации брат Фома.

Этот человек продолжал вызывать отвращение. Знакомство с его сестрой любви к семейству Хвостовых не пробу- дило.

– После приобретения и установки кипятильника на трид- цать литров пропускная способность увеличится до тысячи двухсот человек в день, – сухо ответил я.

– И столовая будет успевать функционировать как ресто- ран? – не отставал брат Фома.

– Этот вопрос в стадии обсуждения и не уместен на се- годняшней планерке! – строго изрёк региональный смотри- тель.

– Брат Алексей, не забывай, что Совет вынес постановле- ние о рентабельности данного объекта. А потому уже сейчас

необходимо выработать концепцию ресторанной деятельности.

– Брат Фома, в постановлении указан срок выхода на рентабельность. Решать вопрос доходности в моей компетенции и сейчас он находится в стадии проработки. Так что, успокойся и займись своими делами.

Руководитель отдела информации демонстративно поднялся и вышел. Когда все разошлись, Алексей меня задержал.

– Подожди, – попросил он.

После того как остались вдвоём, региональный смотритель спросил:

– Что ты думаешь про ресторан?

– Ресторан открыть не проблема, но вряд ли можно рассчитывать на его высокую доходность. Лучше подумать о чём-то другом.

Брат Алексей усмехнулся и озвучил:

– Когда наши бонзы и служащие узнали, что ты тот повар, который кормил на празднике, все спят и видят питаться у тебя. Вот и настаивают на ресторане.

– Кормить мы можем и в столовой. Место позволят отгородить небольшой VIP-зал. Кстати, я говорил, что у нас хотят столоваться сотрудники мэрии.

– Да, помню, но Федина не разрешит.

– Почему? Нам выгодно их кормить. Не бесплатно, конечно.

– Мэр хочет, чтобы мы обслуживали не один район, а два. Это восьмисот человек.

– Мы можем кормить до тысячи двухсот человек, – напомнил я.

Брат Алексей недоверчиво посмотрел.

– Ты уверен? – спросил он.

– Разве пылинка тебя когда-нибудь подводила? – вопросом на вопрос ответил я.

Неверов улыбнулся.

– Нет, – сказал он. – Ты говоришь так убедительно, как будто всю жизнь работал поваром.

– К моему хлопковому стажу можешь прибавить два года армии.

– Почему ты об этом раньше не говорил?

– Детская психологическая травма.

– Не понимаю.

– Не важно. Брат Алексей, ответь лучше на вопрос: ресторан – это твоя идея?

– А что?

– Открытие ресторана не сделает общепитовскую точку рентабельной. Хорошо если будет выходить по нулям. А потому думаю, что Фома не просто так подталкивает к его созданию. Мария хорошо знает, что вечернее заведение в нашем городе большого дохода не принесёт. Уверен, что с братом они обсуждали этот вопрос.

– И что? – повторил Неверов.

– Вывод простой. Если ресторан не выйдет на рентабельность, решение Совета останется невыполненным и начнут искать виноватых. Это на твоей должности не отразится?

Региональный смотритель встал, походил по кабинету.

– На должности не отразится, но репутацию подпортит, – ответил он после непродолжительного раздумья.

– Дай мне сутки, и я придумаю, что-нибудь получше ресторана.

– Нужно к завтрашнему вечеру.

– Постараюсь.

Глава четырнадцатая

На следующий день встреча с региональным смотрителем не состоялась. С утра Неверов был в мэрии, потом уехал в общину, где случилось какое-то происшествие. После обеда брат Алексей вёл какие-то напряженные переговоры с Москвой.

В воскресенье Алексей вызвал на работу. В офисе кроме регионального смотрителя никого не было.

– Чай хочешь? – поинтересовался Неверов.

– Нет.

– Ну что, открываем ресторан? – спросил Алексей, словно другая возможность не обговаривалась.

Я посмотрел на регионального смотрителя. Он выглядел усталым и как показалось, обеспокоенным. Прошёл месяц после переезда в город, но брат Алексей успел измениться. Нет, он по-прежнему оставался доброжелательным и внимательным, но мягкая улыбка, согревающая собеседника, на лице больше не появлялась.

Захотелось поддержать Алексея, а потому придал словам побольше оптимизма.

– Возникла идея получше ресторана, – бодро проговорил я. – Вложений потребует меньше, а эффект будет значительно выше.

Неверов сел рядом.

– Ну рассказывай.

Из пластиковой папки достал блокнот и ручку.

– Я тут сделал некоторые прикидки по открытию пирожковой.

– Пирожковой?

– Да, вот посмотри, – подтвердил я и протянул записи.

– Голова другим забита. Лучше на словах объясни, – попросил Неверов.

– Я сделал калькуляцию на выпечку исходя из наших возможностей, но требуются уточнения по ценам. Брат Марк должен помочь в понедельник. Поэтому сегодня себестоимость приблизительная.

– Давай вместе считать, – предложил Неверов.

– Хорошо. В настоящий момент торговый дом поставляет муку бесплатно...

– Это для столовой бесплатно, – перебил смотритель. – Мы платим по себестоимости. Десять рублей за килограмм.

– Замечательно. Я заложил в калькуляцию двенадцать рублей. Картофель и другие овощи по десять рублей...

– Овощи мы получаем из общин бесплатно, – снова перебил Алексей.

– Еще лучше. А как насчет мяса? Нам могут поставлять каждый день по десять кило свинины и говядины. На худой конец можно подмешивать курятину.

– У «Вселенной» имеется свинокомплекс и коровник. Мясом сможем тебя обеспечивать, но не бесплатно. Рублей

по сто пятьдесят придётся платить.

– Примерно так и рассчитал. Себестоимость беляша двенадцать рублей. Продавать можем по двадцать. Пирожки с картофелем, капустой и грибами в продажу поступят по восемь-десять рублей. Можно выпекать ещё с десятков позиций дешёвого ассортимента.

– Подожди. Десять – я правильно понял?

– Можем и больше.

– А ты не ошибаешься?

– Считаю сам. Беляши, пирожки жаренные – с картошкой, капустой...

– Подожди, не так быстро.

– Хорошо. Пирожки жаренные – с картошкой, капустой, яблоками, рисом, луком и яйцом. Печёные в духовке...

– Подожди, – опять остановил региональный смотритель. – Это на основном производстве не отразится?

– Нет. Мы догружаем часть работающего оборудования и задействуем, которое простаивает.

– Продолжай.

– Печёные в духовке – тот же ассортимент, плюс с творогом, ягодами, грибами. Это всё из подручных средств и с минимальными расходами. При незначительном увеличении затрат, начинкой может стать повидло и рыба.

Алексея идея заинтересовала, он взял блокнот.

– Ты рассчитываешь продавать по одной тысячи в день? – удивленно спросил он.

– Первые две недели. К концу месяца объем вырастит до двух-трех тысяч.

– Откуда такая уверенность?

– Ты где-нибудь видел пирожки по десять рублей?

– Нет, – ответил региональный смотритель.

– По десять рублей мы продаём оптом. В розницу – двенадцать-пятнадцать. Беляши – двадцать. При такой цене у нас не будет конкурентов.

Неверов задумался.

– Послушай, – продолжил я. – Открытие ресторана требует значительных затрат. К тому же, ресторан без спиртных напитков существовать не сможет. Как это соотносится с поучениями Селивёрстова, которого ты так считаешь?

– Давай без демагогии!

– Какая же тут демагогия?! Мирослав запрещает пить и курить. А мы будем спаивать народ.

– С каких пор пылинка превратилась в ярого приверженца Учителя?! – ехидно спросил Алексей.

– Приверженцем я не был и не буду, но считаю, что следует соблюдать последовательность во всём. Сами не пьём и народ спаивать не должны.

– Ты забыл про свободу выбора. Каждый имеет право на собственное «хочу». Пойми, нам необходимо иметь доходную точку, перекрывающую затраты от социальной столовой. Ресторан не способствует спаиванию. Наоборот, люди приобщаются к культурному питанию.

– Насчёт доходности понимаю. Только пирожковая куда выгоднее ресторана. Чистая прибыль составит около миллиона в месяц. К тому же, кормить народ недорогими пирожками куда правильнее, чем создавать условия для так называемого культурного питания.

– Вот только не следует язвить, – со вздохом сказал Неверов. – Что же, давай попробуем.

На Совете, куда региональный смотритель вынес предложение о пирожковой, разгорелся спор. Фома Хвостов, вооружившись расчётами сестры, вопил о безграмотном работнике.

– Я всегда говорил, что самоучке далеко до образованного технолога! Вот только один пример с приготовлением теста для беляшей. В калькуляцию не заложены ни яйца, ни молоко. Дешевизна конечного продукта липовая! Если проверить по всем позициям, уверен мы везде обнаружим ошибки. Миллион, который обещает брат Александр, цифра эфемерная. Вы сами в этом можете убедиться! – восклицал он, размахивая листком бумаги.

Попытку объяснить, что тесно для беляшей от молока и яиц утяжеляется, прервала Мария.

– Заявление ни на чём не основано! – саркастически произнесла она. – Насколько мне известно, брат Александр никогда не жарил беляшей. Выпечка у него неплохая. Далека от идеала, но не плохая. Тем не менее, производить закладку

по наитию, не всегда можно. Показная дешёвизна делает конечный продукт неудобоваримым. Беляши и другая жареная продукция требует строгого соблюдения процесса приготовления.

Технолог с дипломом долго и нудно рассказывала о приготовлении теста. Мария даже пыталась объяснить, как правильно и при какой температуре жарить, но её остановил брат Марк.

– Нам не за чем знать тонкости жарки, – заявил он, поднимаясь. – Я предлагаю сформировать комиссию, которая проверит продуктовую закладку, предлагаемую заведующим столовой. Потом брат Александр и сестра Мария приготовят беляши. Каждый по своему рецепту! Чьи беляши лучше, тот и прав.

– Это несерьёзный подход к делу! – выкрикнул руководитель отдела информации.

– Не могу с тобой согласиться, брат Фома. Практика всегда лучше теории. Поедим беляшей и решим, как вести дело дальше. Предлагаю свою кандидатуру в комиссию, – сказал Марк и поднял руку, как будто голосование началось.

– Совет ещё не принял решение о комиссии! – снова завопил Хвостов.

Региональный смотритель посмотрел на часы.

– Пора подводить итоги по вопросу о пирожковой, – заключил он. – Мы можем долго выяснять правильность рецептурной закладки и технологические процессы, но у нас

масса других проблем, требующих решения. Я прошу всех членов Совета высказать мнение.

Большинство поддержало предложение Марка. Комиссию из трёх человек возглавил руководитель отдела снабжения. А на дегустацию, которую приурочили к обеду, обязали приехать всех членов Совета.

– Я надеюсь на тебя, – сказал Алексей, когда остались вдвоём. – Семейство Хвостовых уже всем надоело. На их необоснованные жалобы и амбициозность обратили внимания. На федеральном уровне рассматривают вопрос о пребывании Хвостовых во «Вселенной». Их поведение и деятельность вредят организации. Если твои расчёты окажутся верными и пирожковая заработает миллион, Фому выведут из состава Совета, снимут с должности.

– Заработаем. Только Марию убери и дай ещё одного сотрудника.

Алексей вздохнул.

– Вот победишь в состязании, тогда и уберу, – пообещал он.

Соревнование не состоялось. Сначала Мария сказала больно́й. Потом уехала по каким-то срочным семейным делам. Однако комиссия проверила рецептурную закладку, дождалась результатов жарки и признала беляши вкусными. На дегустацию члены Совета приехали с большим желанием. В этот день выпечка с горячим сладким чаем заменила обед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.